

Михаил Волконский

Ищите и найдете

Михаил Волконский
Ищите и найдете

«Public Domain»

1904

Волконский М. Н.

Ищите и найдете / М. Н. Волконский — «Public Domain»,
1904

«Художнику Варгину была поручена часть росписи стен в строящемся новом дворце императора Павла Петровича. Собственно говоря, это сам он, Варгин, называл так свою работу, как будто порученная ему роспись была его оригиналом, а на самом деле ему приходилось довольствоваться более скромным трудом, то есть расписывать стены и плафоны по чужим картонам, так что имени его, как придворного художника, история не сохранила...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	15
VII	17
VIII	19
IX	21
X	23
XI	25
XII	27
XIII	29
XIV	31
XV	33
XVI	35
XVII	37
XVIII	39
XIX	41
XX	43
XXI	46
XXII	48
XXIII	50
XXIV	52
XXV	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Волконский

Ищите и найдете

I

Художнику Варгину была поручена часть росписи стен в строящемся новом дворце императора Павла Петровича.

Собственно говоря, это сам он, Варгин, называл так свою работу, как будто порученная ему роспись была его оригиналом, а на самом деле ему приходилось довольствоваться более скромным трудом, то есть расписывать стены и плафоны по чужим картонам, так что имени его, как придворного художника, история не сохранила.

Делом этим, однако, Варгин занимался с большим рвением, как будто истинное вдохновение осеняло его.

С самого утра, чтобы не терять времени, когда на короткий промежуток показывается в Петербурге солнце зимой, он забирался на прилаженные к потолку подмости, ложился на них на спину и в таком не совсем, правда, удобном положении отдавался работе.

Стены расписывать было легче.

Раз он лежал так на помосте и старательно выписывал ногу богине, мчавшейся по облакам на колеснице из цветов. Внизу в комнату вошли. Он слышал это, но видеть не мог. Вошедшим тоже не было возможности увидеть его, лежавшего на помосте, под которым они остановились. Он слышал их разговор и узнал волей-неволей то, о чем говорили они: это была одна из тайн будущего дворца, и дело касалось секретного хода, дверь в который была тут, в этой комнате...

Варгин хотел было сначала дать знать о себе кашлем, но все равно было уже поздно. Он оробел и притих. Оробел же он потому, что узнал по голосу в одном из говоривших главного архитектора, а другой был, вероятно, очень важным лицом, судя по той почтительности, с которой обращался к нему главный архитектор.

У Варгина сжалось дыхание, и он не проронил ни звука, услышав весь разговор и все объяснение подземного хода. Он узнал, как отворяется потайная дверь, куда направляется ход, словом, все подробно.

Разговаривавшие прошли.

Варгин не сомневался, что если б заметили его на помосте и увидели, что теперь ему стала доступна таким образом тайна секретного хода, – ему несдобровать бы.

Очевидно, тайный ход делался не для того, чтоб все его подробности были известны какому-то художнику, и с этим «каким-то» художником не поцеремонились бы.

Разговаривавшие прошли, Варгин вздохнул было свободнее, но сейчас же сообразил, что опасность для него не миновала еще вовсе.

Архитектор, проводив важного посетителя, мог вспомнить, нет ли кого-нибудь на помосте в комнате, где дверь хода, и вернуться, застать Варгина, и тогда он погиб. Так, по крайней мере, рассуждал Варгин.

В жизни его были уже обстоятельства, вовлекшие его в большие опасности и доставившие ему немало тревог и волнений.

С тех пор он дал себе слово жить тихо, скромно, незаметно делать свое маленькое дело и никуда не соваться. Он боялся теперь всяких романтических тайн и необыкновенных происшествий.

Так он и жил, стараясь оставаться в тени, и вдруг – такой совершенно непредвиденный случай!

Он лежал на помосте, откинув в сторону кисть и палитру. Сердце у него билось. Ему казалось уже, что слышатся шаги архитектора...

Тут его осенила мысль, что можно воспользоваться тем же потайным ходом, о котором только что он узнал, чтобы скрыться и отстранить всякие подозрения.

Почти не рассуждая, повинувшись единственно этой мысли, только и дававшей, по его мнению, спасение, он накинул на себя плащ, схватил шапку, спустился с помоста, легко отыскал дверь, отворил ее и юркнул в узкое, темное, сырое пространство.

Он сделал это как раз вовремя. Едва затворилась за ним дверь, в комнату вошел архитектор и стал кликать его. Не получая ответа, архитектор влез по лестнице и внимательно осмотрел помост.

Убедившись, что на нем никого не было, он успокоился.

II

Выбравшись благополучно по секретному ходу из строившегося замка, Варгин без оглядки кинулся домой, чтоб и след его простыл поскорее.

Жил он поблизости от замка, где ему приходилось работать теперь. Он переехал сюда, чтоб, ради экономии, ходить на работу пешком.

Варгин нанимал комнату от хозяйки, Августы Карловны, которая снимала маленький одноэтажный домик, служивший надворным строением большого барского дома, выходявшего фасадом на улицу близ Литейного двора. Домика за этим большим домом вовсе не было видно, да и ход к нему лежал не через главные ворота, а из переулка.

У Августы Карловны, кроме Варгина, жил еще молодой женевец, доктор Герье, явившийся в Россию искать счастья, состояния и богатства – словом, всех благ земных.

Тогда Россия еще представлялась иностранцам обетованной землею, где каждому, кто отважится приехать в нее из чужих краев, легко достичь всего, что ему хочется...

Однако расчеты молодого женедца не оправдывались. Вместо богатства и роскоши, о которых он мечтал, отправляясь в Россию, ему пришлось довольствоваться в Петербурге более чем скромной комнатой в маленьком домике Августы Карловны с ходом из переулка.

Правда, в этом переулке часто можно было видеть барские кареты, останавливавшиеся у калитки, которая вела к маленькому домику. Еще чаще к этой калитке подъезжали извозчичьи дрожки, или сани, или ямские кареты, и из них выходили закутанные дамы, скрывавшие лицо вуалями, и мужчины с поднятыми воротниками плащей.

Они скрывались в калитку и через некоторое, иногда довольно продолжительное, время выходили: иные – с радостными лицами, иные – с опечаленными, грустными...

Но все эти господа в каретах и на извозчиках являлись в маленький домик отнюдь не к доктору Герье и, конечно, не к художнику Варгину.

Дело было в том, что Августа Карловна существовала не только сдачей внаймы комнат двум своим жильцам.

Платы, которую она брала с них за помещение, стол и «все готовое», даже за стирку белья, едва хватало на покрытие ее расходов на жильцов, так что никаких барышей ей не очищалось.

И комнаты-то она сдавала художнику Варгину и доктору Герье только потому, что они были тихими, спокойными, верными людьми, ради чего она и старалась всеми силами угодить им.

Хотя домик стоял не в глуши, а в хорошей части города, но все-таки Августа Карловна боялась жить в нем одна и ей было важно знать, что под одной крышей с ней – двое вполне хороших, надежных людей, которые не дадут ее в обиду.

Бояться же за себя она имела некоторое основание. Августу Карловну знали не только в околотке, но и во всем городе, и, может быть, не без основания ходила молва о том, что у нее водятся деньги.

Это было весьма правдоподобно, потому что богатые посетители маленького домика приезжали именно к ней и, уходя, конечно, оставляли за свой визит плату, иногда очень порядочную.

Августа Карловна была известна в Петербурге как опытная, чрезвычайно искусная гадалка, говорившая за рубль не только будущее, которое сейчас проверить нельзя, но и прошлое; за два рубля рассказывала она любопытным всю их подноготную, вспоминая им подчас даже о таких происшествиях их жизни, о которых они сами забыли давно.

Жены гадали у нее о неверности мужей, мужья о том, какие жизненные блага или горести предстоят им; даже барышни, робея и дрожа всем телом, потихоньку являлись к ней

со старыми няньками или под надзором какой-нибудь тетки, дальней родственницы, а то и просто родительской приживалки.

Августу Карловну приглашали и на дом, за что она брала особую плату.

Дела у нее шли отлично, посетителей было много, и собирала она с них обильную дань.

Художник Варгин часто говорил не без некоторого раздражения доктору Герье, с которым состоял в приятельских отношениях:

– Вот рассудите, доктор! Мы с вами мужчины: вы – ученый, а я – все-таки художник, и не имеем такого успеха, как наша хозяйка.

Женевец вздыхал, пожимал плечами и философски отвечал:

– *Suum cuique!* – причем всегда неизменно переводил по-русски: – Каждому свое!..

III

Молодой женевец, доктор Герье, был по облику человек не совсем заурядный. Варгин прозвал его белокурым брюнетом, и, действительно, это название как нельзя более подходило к нему. Волосы у него были темные, не совсем черные, как вороново крыло, а все-таки темные, глаза карие – такие, что у иных людей кажутся почти агатовыми. Взгляд этих глаз был удивительно скромный, мечтательный, ласковый – такой, какой бывает только у блондинов, потому и карие глаза доктора казались светлыми. Волосы у Герье были мягкими – поистине шелковые кудри, они вились, и он носил их закинутыми назад.

В манерах Герье, во всех движениях и в разговоре, словах и поступках виднелся человек добрый, незлобный; говорил он, всегда склонив голову несколько набок, тихим, как шелест листьев, голосом, и в тоне его всегда чувствовалась грусть.

Улыбался он всегда тоже какой-то скорбной улыбкой, и то не в тех случаях, когда было что-нибудь смешное, а когда он видел что-нибудь трогательное или слышал о чем-нибудь трогательном и задушевном.

По своему, скорее, робкому характеру он совсем не был похож на хотя угомонившегося, правда, но все-таки энергичного Варгина.

Потому, вероятно, они и сошлись.

Доктор Герье приехал в Россию искать счастья после смерти своей матери, которую он потерял в Женеве и о которой не говорил иначе, как поднимая глаза к небу, причем на длинной пушистой бархатной реснице его искрилась слеза.

Других близких родных у него не было.

Герье продал оставшийся ему в наследство домик в Женеве и на вырученную таким образом сумму, приложив к ней сбережения, какие накопились у них с матерью, отправился в Россию.

В Петербурге он жил уже около двух лет, проживал свои деньги и с ужасом думал о том, какая судьба ожидает его в будущем.

Деньги таяли, уходили, их оставалось уже так мало, что Герье не на что было вернуться на родину, здесь же, в Петербурге, он решительно не знал, что будет с ним, когда он истратит свою последнюю копейку.

Он прибыл в Петербург со слишком легкомысленною надеждой, что здесь для иностранцев уготованы несметные сокровища, не ленись лишь брать их.

Никакими рекомендациями, ни знакомствами не заручился он, да и негде ему было сделать это, и явился в русскую столицу перелетной птицей, только с одними мечтами на лучшее будущее.

Во все два года у него не было ни одного настоящего пациента, то есть такого, который заплатил бы ему за совет.

Бывало, что приходили к нему бедняки, с которых он не брал денег, да и не мог бы брать, потому что денег у них не было.

Бедняки относились как-то подозрительно к даровому лечению иностранного доктора и, Бог их знает, вероятно, вовсе не принимали его лекарств.

Герье ничего не сделал для того, чтобы дать знать о себе, и было совершенно неизвестно, на что он рассчитывал и как воображал, что получит известность и практику.

Объяснить это он не мог. Единственно, на что он мог надеяться, – это на случай, но этот случай до сих пор не приходил.

Герье выставил у калитки надпись о том, что тут живет доктор-женевец; надпись была сделана на русском и на французском языках, но делу нисколько не помогала.

У единственного приятеля Герье в Петербурге таких знакомств, куда тот мог бы рекомендовать его как врача, не было; Августа же Карловна была очень мила и внимательна к молодому женецу, но от своих посетителей держала его в стороне и не только не говорила им о докторе, помещавшемся у нее, но и с ним, с Герье, так же, как и с Варгиным, избегала всяких разговоров о своей профессии и о бывавших у нее людях.

Жизнь молодого женеца сложилась сама собой: утром он гулял, потом занимался чтением. Приходил Варгин с работы, они ужинали, и потом Герье опять шел гулять с Варгиным, если погода была хорошая, или сидел с ним вечером дома, если погода была дурная.

Казалось, не то он примирился со своею участью, не то как-то уныло, безразлично относился к ней, но никогда ни одной жалобы не слышал от него Варгин; напротив, даже когда сам художник выказывал некоторую нетерпеливую горячность относительно своей судьбы, женец говорил успокоительно, как будто и не испытывал в душе того ужаса перед неизвестностью в дальнейшем, которая на самом деле сжимала ему сердце.

Чтение его, главным образом, составляли привезенные им с собою медицинские книги, за которые он брался для того, чтобы не забыть, что знал, но удовлетвориться ими одними он не мог, другого же занятия, кроме чтения, у него не было, и он покупал себе книги, тратя на них большинство своих и без того таявших денег.

Когда Варгин вернулся домой после случившегося с ним в замке происшествия, он застал Герье сильно взволнованным, бледным, почти дрожавшим.

Женец сидел у себя в комнате, вытянув вперед ноги и облокотившись на руку, все пять пальцев которой запустил в свои волосы.

Взгляд его глаз, ставших как будто большими, был неподвижен.

Возле него на столе стоял графин с водой, стакан и пузырек с какими-то каплями.

Варгин, увидев его в таком положении, остановился в дверях и невольно воскликнул:

– Что такое случилось?

Герье вздрогнул, словно не заметил появления Варгина, и испугался, услышав его голос.

Вздрогнув, он обернулся, узнал Варгина и как-то неопределенно протянул:

– Первый пациент!..

По-русски он говорил довольно хорошо; знание русского языка было единственным приобретением, которое он сделал в два года жизни в России.

IV

– Ну, что же? Ура, – проговорил Варгин.

Он именно только проговорил это восклицание, и даже довольно кисло, потому что сам себя чувствовал не совсем в своей тарелке после только что случившегося с ним в замке.

Герье, видимо ожидавший от него, почти всегда веселого и жизнерадостного, поддержки себе, болезненно-участливо глянул на него и спросил:

– А что, разве и у вас тоже случилась какая-нибудь неприятность?..

Должно быть, вид у Варгина был тоже довольно сумрачный – иначе нечем было объяснить вопрос доктора.

Варгин шагнул в комнату, подошел к доктору, взял стул и сел против него.

– Однако, доктор, – заговорил он, – погодите! Тут выходит что-то вроде загадки! Вы говорите, у вас явился пациент, тот первый пациент, которого вы два года ждали с таким нетерпением, и вдруг вы меня спрашиваете, случилось ли тоже со мной неприятность? Вот это «тоже» мне кажется странным! Как же это, первый пациент и неприятность?

– К сожалению, да! – ответил доктор.

– Каким же образом это вышло? Неужели лечение было неудачно?

Герье отвернулся и молчал.

– Умер он, что ли, ваш первый пациент? – опять спросил Варгин.

– Теперь, вероятно, уж умер! – как-то беззвучно произнес доктор.

Варгин забеспокоился. Ему невольно пришло в голову, что молодой и, вероятно, неопытный в медицине женевец, к тому же не практиковавший в течение двух лет, сделал какую-нибудь ошибку, последствием которой могла быть смерть его пациента.

И в самом деле было похоже на то, что Герье испытывает теперь раскаяние человека, совершившего профессиональный промах, непоправимый и ужасный.

– Неужели ошибка? – заговорил Варгин.

Доктор глянул на него, как бы не понимая.

– Ошибка... – пояснил Варгин. – Ошибка с вашей стороны как врача!

– Нет! – улыбнулся Герье. – Ошибки с моей стороны не было, да и не могло быть; могу вас уверить, что я слишком хорошо знаю свое дело!

Он произнес это с уверенностью, и эта уверенность не была в нем следствием излишней самонадеянности; он имел право сказать, что знает хорошо свое дело, потому что кончил курс с наградой, лучше всех своих товарищей, и в Женеве у него было много случаев, чтоб проверить свои знания; там он практиковал очень успешно.

Этот успех, сразу давшийся ему, и соблазнил его главным образом на поездку в Россию.

Кроме того, что он знал свое дело, он уважал и любил его настолько, что не хотел прибегать к шарлатанным способам искусственно составленной известности и предпочитал лучше бедствовать...

– В чем же дело? – спросил Варгин. – Вы расскажите по порядку!

– Да вот, – начал Герье, – только что вы ушли утром на работу и я стал собираться на свою ежедневную прогулку, как вдруг сама Августа Карловна постучала ко мне в дверь и говорит, что меня спрашивают. Я очень удивился. Она сказала, что требуется доктор и что пришел ливрейный лакей, по-видимому, из очень богатого дома. Можете себе представить, как я обрадовался?

– Ну, еще бы! – согласился Варгин.

– Я накинул шубу, схватил шапку и совсем одетый и готовый вышел к лакею. Разумеется, я спросил, от кого он прислан, но он ни в какие объяснения не пустился, а потребовал

лишь, чтобы я скорее следовал за ним. Я подумал, что необходима скорая помощь и что разговаривать некогда, и поспешил исполнить, что от меня было нужно.

У калитки на улице стояла карета. Лакей отворил дверцу, посадил меня, сам сел со мною и опустил на всех окнах кареты шторы. Он сказал, что это необходимо и что если я не хочу подчиниться такой таинственной обстановке, то он сейчас же даст мне полную свободу и отпустит на все четыре стороны, а сам поедет за другим доктором.

В моем положении капризничать не приходилось. Да и против таинственности я ничего не имею.

«Будь что будет!» – подумал я и поехал.

Путешествие было не особенно долго. Карета сделала несколько поворотов и остановилась. Когда меня выпустили, я увидел, что она остановилась во дворе какого-то большого дома, у заднего крыльца. Меня повели по черной лестнице во второй этаж, лакей, который привел меня, показывал мне дорогу. С лестницы мы попали в официантскую, совершенно пустую, а оттуда, через коридор, в столовую.

Я никогда не видал такой столовой: все стены и потолок обшиты резным темным дубом и на огромном буфете столько серебряной и золотой посуды, что комната казалась, несмотря на темный дуб, светлою и блестящею. Из столовой вела дверь в кабинет, огромный, в пять окон, точно зал, сплошь покрытый коврами; тут огромные шкафы были полны книгами в сафьянных переплетах и повсюду кругом были дорогие вещи. Признаюсь, я оробел...

– Ну, что же? – перебил Варгин. – Пока все отлично: богатый дом, а для молодого врача без практики попасть в богатый дом весьма лестно!

– Так думал и я, – ответил Герье, – но теперь, после того, что было потом, я предпочел бы, чтобы меня не звали в этот дом!

V

– В кабинете меня встретил приземистый старик, в пудреном парике, по-старинному, и в красной бархатной шубке на лисьем меху; фигурка у него была маленькая, бритое, худое лицо покрыто морщинами, большой нос и большой неприятный рот, с тонкими ввалившимися губами. Он стоял у стола, прямо против двери, в которую я вошел, и костлявыми руками отсчитывал ассигнации. Он как бы не заметил моего прихода, не кивнул, даже не взглянул на меня и продолжал не торопясь свое занятие, словно нарочно рассчитывая на впечатление, какое должны были, вероятно, по его мнению, произвести на меня деньги...

– Тут тысяча рублей! – сказал он, наконец, тряхнув пачкой ассигнаций и бросив ее на стол.

Потом он глянул на меня; глаза его мне показались зелеными, и этими зелеными глазами он как будто хотел прочесть все, что делалось у меня в душе. Мне казалось, что скверная лягушка смотрит на меня.

– Вы иностранец? – отрывисто спросил он по-французски.

Я ответил, что около двух лет тому назад приехал из Женевы.

Старик поморщился.

– Но практики у вас нет?..

Я ответил, что никакой практики у меня нет, и этим он остался доволен.

– Ну, так вот! – показал он на брошенные им на столе деньги. – Тут тысяча рублей, и она будет ваша, если вы сделаете то, что от вас требуется.

Я поспешил уверить его, что исполню свой долг.

– Тут дело идет о вашей выгоде! – резко перебил он и добавил: – Пойдемте!

Мы миновали с ним несколько комнат и в последней из них, в маленькой, сплошь обитой несколькими слоями войлока, как это делают для буйных сумасшедших, лежал больной. Кроме простой деревянной кровати, на которой он лежал, другой мебели не было в комнате. Отвратительный удушливый запах стоял в ней, я чуть не задохнулся, когда вошел.

Старик остановился в дверях, сделал гримасу и зажал нос.

Кровать больного была грязна до полной невозможности; за ним совсем не ходили и не убирали его: это был молодой человек с довольно тонкими, красивыми чертами лица; он лежал без движения и не был в силах не только двинуть рукой или ногой, но даже говорить.

Больной глянул на меня мутными, ничего не выразившими глазами, попытался пошевелить губами, но не мог произнести ни слова.

Я осторожно стал осматривать его, говоря, что я – доктор, что зла не сделаю ему, а, напротив, принесу облегчение.

После осмотра мне стало ясно, что положение больного является следствием крайнего истощения.

Прежде всего нужно было очистить воздух в комнате, положить больного в чистую постель и попытаться дать ему укрепляющее средство. На меня, здорового, воздух комнаты действовал так, что голова кружилась и я сам близок был к обмороку. Старик тоже не мог выдержать и отошел от двери.

Я направился к нему.

– Ну, что, осмотрели, видели? – И он быстрыми шагами пошел назад в кабинет.

Тут он повернулся ко мне и, взмахивая кверху руками, начал раздраженно спрашивать:

– Ведь жить ему не осталось нисколько? Умрет, все равно умрет!

– Может быть, – возразил я, – можно еще помочь, если постараться усилить питание и, главное, немедленно изменить условия, в которых находится больной!

– Какие условия? – сердито переспросил старик.

Я объяснил, что надо перевести его в другую, свободную комнату, положить на чистую постель.

– Пустяки! Нежности, глупости! – закричал старик. – Я вас спрашиваю, может ли жить он или нет?

– Надо постараться, чтобы он жил! – сказал я. Вы можете себе представить, как я желал вылечить этого больного? Правда, это было бы чудо, но чудо не невозможное! Мне пришлось убедиться, однако, что именно этого-то, то есть излечения, вовсе и не желал старик.

Он раздраженно затряс сжатыми кулаками и затопал на меня ногами.

– Об излечении, – опять закричал он, – не может быть и речи! Были посерьезнее вас люди, старались, да ничего не могли сделать; если бы я имел надежду на выздоровление, я продолжал бы пользоваться советами серьезных, опытных врачей, пригласить которых имею, слава Богу, возможность! Я вам говорю – ему не жить! – кивнул он в сторону, где была комната больного. – И вы не говорите мне глупостей...

VI

Герье, рассказывая, сильно взволновался; он давно уже встал со своего места и ходил по комнате, сильно жестикулируя и изредка останавливаясь перед Варгиным.

– Признаюсь, – говорил он, – я был в полном недоумении и напрасно хотел разгадать, кто был этот больной, почему его держали в этой ужасной комнате, в условиях, в которых было жаль оставить собаку, и кто был этот старик, так настойчиво желавший уверить меня, что всякая попытка к излечению больного будет напрасна. Я даже не мог понять цели, с которой этот старик призвал меня к себе в закрытой карете, окружив мое появление странною таинственностью. Вы не можете представить себе, однако, зачем, собственно, был призван я, доктор, учившийся лечить людей и спасать их от болезни и смерти!..

– За чем же иным, – переспросил Варгин, – как не для того, чтобы именно спасти от болезни и смерти?

– Представьте себе, что нет! Старик потребовал от меня, чтобы я дал ему средство, которое сразу покончит страдания больного: больному, дескать, все равно не жить, так лучше поскорее прекратить его мученья и ускорить конец, который все равно должен наступить неизбежно.

– Что ж он, яда у вас требовал, что ли? – удивился Варгин.

– Он требовал средства прекратить страдания «навсегда», как говорил он, а таким средством мог явиться только яд, и старик именно его желал получить от меня!

– Ну, и что же вы? – как-то испуганно спросил Варгин, словно боясь за приятеля, что тот исполнил требование старика и раскаивается теперь в этом.

Герье не понял вопроса.

– Что я? – переспросил он.

– Дали это средство?

– Ну, разумеется, нет! Я сказал, что, по моему убеждению, врач не имеет права ни в каком случае сокращать жизнь своего пациента, но, напротив, должен бороться до последней минуты, отстаивая эту жизнь. Данный случай я признал тяжелым, но вовсе не безнадежным, и поэтому более чем когда-нибудь считал своим долгом приложить к делу все мои знания.

Старик снова стал возражать мне, что знаний моих не требуется, что у него найдутся и без меня знающие люди; он подошел к столу, на котором лежали деньги, взял их и протянул ко мне.

– Вот тут тысяча рублей, – заговорил он, – и эту тысячу я вам дам с тем, чтобы вы исполнили мое желание и немедленно уехали из России на родину.

Я не сразу нашелся, что ответить, потому что боялся, как бы негодование, охватившее меня, не проявилось в слишком уж резкой форме. Должно быть, старик принял это за колебание с моей стороны.

– Я удваиваю сумму, если вам мало! – заявил он. – Вы получите две тысячи!

Я пожал плечами и ответил, что и за две тысячи не продам себя.

Нужно было видеть, что сделалось с ним! Глаза его положительно заискрились, как светляки, он затопал, задрожал весь и, вытянув шею, заговорил:

– Вам мало? Я даю три, четыре, пять тысяч... Ведь это – целое состояние для вас...

Но, чем больше предлагал он мне денег, тем яснее становилось для меня, что тут дело не чисто. По-видимому, старик никак не ожидал отказа с моей стороны, и, когда я решительно заявил, что не возьму с него никаких денег, он призвал лакея. Явилось трое огромных гайдуков, они схватили меня, завязали глаза, почти на руках вынесли вон.

Я отбивался и кричал, они заткнули мне рот платком и отвезли в карете к Таврическому саду, и там, пока я стаскивал с глаз повязку и вынимал платок изо рта, карета успела укатить,

так что я мог видеть только ее кузов. Я было побежал за каретой, но она удалялась слишком быстро, чтобы догнать ее пешком. Я не сразу узнал, где я, мне показалось сначала, что меня завезли на острова, и пошел наугад. Кругом не было ни души. Наконец мне попался встречный; я, должно быть, очень удивил его просьбой о том, чтобы он сказал мне, где я. Узнав, что я у Таврического сада, я легко нашел дорогу домой.

Вот каков был мой первый пациент!.. Главное то, что, несомненно, здесь скрывается какое-то преступление и действующим лицом в нем является не какой-нибудь несчастный, а богатый, злой старик, в руках которого самое страшное орудие зла – деньги! Единственный человек, который может сделать что-нибудь, – я, но мне не известно ни кто этот старик, ни где живет он, ни какое отношение имеет он к больному, запертому в отвратительной комнате; я имею возможность только заявить об этом полиции и именно хотел вас спросить, куда мне отправиться, чтобы заявить о случившемся?

Варгин, до сих пор молча слушавший рассказ доктора, вдруг прервал его восклицанием:

– Ах, не делайте этого!

VII

Восклицание Варгина очень удивило доктора Герье.

– Как не делать этого? – стал спрашивать он. – Разве можно оставить это дело так и не сообщить полиции о явном преступлении, на которое натолкнул меня случай?

Варгин пожал плечами.

– К сожалению, – сказал он, – из этого выйдет только то, что вас будут таскать по участкам и никакого толку вы не добьетесь!

– Неужели? – опять удивился Герье.

– К сожалению, это так! – опять повторил Варгин. – Ну, денек! – добавил он и покачал головой.

– А у вас тоже случилось что-то? – спросил доктор.

– И не говорите! – протянул Варгин. – Дело в том, что я раз в своей жизни был уже замешан в романтическую историю¹, так что едва вышел цел из нее, и с тех пор дал себе слово ни во что не впутываться, и вдруг сегодня случайно узнал тайну строящегося замка, где я расписываю стены.

Герье, несмотря на свое волнение, улыбнулся.

– И только-то? – проговорил он. – Что ж тут для вас неприятного? Ну, узнали тайну и забудьте о ней, вот и все!

– Тайна эта, – возразил Варгин, – касается подземного хода, а я терпеть не могу подземных ходов. А теперь еще происшествие, случившееся с вами.

– Конечно, – согласился Герье, – это происшествие очень похоже на романтическое, но ведь никто же не требует от вас, чтобы вы принимали тут какое-нибудь участие, тем более что, по вашим словам, даже заявление полиции едва ли поможет!

– Да как же, – заволновался Варгин, – оставаться безучастным, если знаешь, что человек гибнет; ведь этот больной, несомненно, не по своей воле гибнет у старика?

– Несомненно! – подтвердил Герье.

– Ну, вот, видите! Значит, равнодушие с нашей стороны было бы непростительно.

– Но если вы по опыту дали себе слово не впутываться ни в какие приключения?

– Я дал слово не впутываться самому, но тут судьба впутывает меня, а с нею, видно, ничего не поделаешь!

– Но что же предпринять в таком случае?

– Почему я знаю! Надо обдумать, обсудить. Вы внешность дома, в котором были, не смогли бы узнать?

– Нет! – ответил Герье. – Меня подвезли со двора, а с улицы я не видел дома.

– Далеко везли вас отсюда?

– Точно не знаю! Карета ехала очень быстро, делала повороты; и потом, меня могли нарочно кружить, чтобы обмануть относительно расстояния.

Пока они разговаривали так, явилась чухонка, служанка Августы Карловны, и, просунув голову в дверь, доложила:

– Вас спрашивают!

– Что еще? Кто спрашивает? Кого? – в один голос воскликнули Варгин и Герье.

Чухонка объяснила, что пришел важный господин с лакеем и спрашивает художника Варгина.

– Ну, началось! Теперь пойдут! – досадливо протянул он. – Еще что-нибудь новое!

¹ См. роман М. Н. Волконского «Сирена».

И действительно, оказалось новое, совершенно неожиданное и опять из ряда вон выходящее.

Важный господин с лакеем был проживавший в Петербурге тамбовский помещик Иван Иванович Силин, как отрекомендовался он Варгину.

Силин этот, по его словам, жил в Петербурге ради молодого человека, которому он хотел доставить образование.

Сын был у него единственный, и он не жалел для него ничего, и вдруг, два дня тому назад, сын у него пропал, ушел и не вернулся.

Иван Иванович потерял голову, обратился к полицейской власти, но она ничего не сделала, и он решился сам отправиться на поиски.

Варгин выслушал не совсем связный рассказ Силина, весьма естественно, очень встревоженного и потому не могшего говорить спокойно.

– Но почему же вы пришли именно ко мне? – также весьма естественно спросил Варгин.

– Да, видите ли, – пояснил Силин, – сын мой два дня тому назад пошел к вам!

– Ко мне? К Варгину?

– Да, к художнику Варгину!

– Но, простите, уверяю вас, что я не был знаком с вашим сыном и он не имел решительно никаких оснований идти ко мне.

Варгину пришло в голову, не сошел ли просто с ума тамбовский помещик; то же самое невольно подумал и Герье, присутствовавший при разговоре.

Однако им пришлось сейчас же убедиться, что Силин был вполне в здравом уме и твердой памяти.

VIII

– Вы, может быть, думаете, – заговорил Силин, – что я рехнулся; да и есть с чего, впрочем! Ведь Александр у меня один!.. Это сына моего зовут Александр, я его всегда полным именем звал и никогда не давал никаких уменьшительных! Александр – христианское имя и никаких прозвищ и кличек христианину получать не подобает. Так вот сын мой, Александр, возымел склонность, и большую, к рисованию. У него это с детства было; так все натурально изображал: цветок там и все прочее!

Силин рассказывал, нюхал табак, часто сморкался и вытирал платком глаза, то и дело наполнявшиеся слезами.

Он, видимо, бодрился и ради этого отклонялся в сторону, чтобы не разрыдаться при чужих людях.

– Я для Александра, – продолжал он, – ничего не жалею, и все-таки мы с ним решили взять учителя рисования, но недорого; состояние, слава Богу, у меня есть, но деньги зря швырять нечего. Вот и указали мне на вас, – обратился он к Варгину, – как на художника очень хорошего, который всему научит и недорого. Разузнали ваш адрес, два дня тому назад Александр пошел к вам и с тех пор не возвращался!

– Вот оно что! – сообразил наконец Варгин, какое он имел отношение к сыну совершенно неизвестного ему тамбовского помещика Силина. – Так ко мне ваш сын не приходил, – заявил он, – и я его не видел!

– Так ли это? – вырвалось у Ивана Ивановича.

– Если я вам говорю... – начал было Варгин.

Но Силин сейчас же перебил его:

– Да вы не сердитесь! Я не хочу обидное говорить, я только хочу сказать, что, может, он без вас приходил: вы-то его не видали, я вам верю, а он приходил!

Сейчас же была призвана чухонка; явилась даже сама Августа Карловна, и все в один голос, вместе с доктором Герье, подтвердили, что ни два дня тому назад, ни потом никто не приходил и художника Варгина не спрашивал.

Это произвело на Силина заметное удручающее впечатление безнадежности; он, бедный, совсем растерялся, опустил голову и, всхлипывая, стал как-то бессильно разводить руками.

– Что же, что же... что же мне делать? – выговорил он наконец.

Но ни Варгин, ни Герье не могли дать ему совета. Августа Карловна, узнавшая, в чем дело, соболезнующе глянула на Силина и вдруг сказала ему:

– Пройдемте ко мне!

Силин, чувствуя ласку в ее голосе и участие, поднялся со своего места и послушно пошел, с трудом передвигая ноги, – так он опустился вдруг и из бодрого сорокалетнего мужчины стал стариком.

– Куда это она его повела? – спросил Герье, когда они ушли.

– Верно, гадать ему на картах хочет! – догадался Варгин. – Пожалуй, это единственное средство! – улыбнулся он насмешливо.

– И самое действительное! – сказал совершенно серьезно Герье.

– Как? Вы верите гаданью на картах? – удивленно произнес Варгин. – Для доктора это как будто и неприлично даже!

– То есть, как вам сказать, – раздумчиво произнес женевец, – если вы говорите о том, что можно по фигурам, изображенным на отдельных картонах, которые мы называем картами, узнать прошлое, настоящее и будущее, то, разумеется, нет, не верю! Сами по себе карты, как их ни раскладывайте, конечно, ничего сказать не могут и ничего не способны

открыть. Но я верю в нечто другое; то есть не только верю, но даже знаю и видел несомненные опыты, что это так. По картам была предсказана участь несчастной Дюбарри, никак не предполагавшей, что она умрет на эшафоте, да и самому Людовику XVI по картам же была предсказана его ужасная судьба; известны мне и более мелкие факты, с которыми я не могу не считаться. Конечно, повторяю, тут действовали не карты, а другое!

– Что же это другое?

– Вдохновение, просветление, ясновидение, высшее развитие догадки – назовите как хотите, дело не в названии; важны не карты, а субъект, то есть то лицо, которое раскладывает их. Бывают люди, удивительно способные настраивать себя, раскладывая карты, так настраивать, что на них как бы сходит вдохновение и они начинают почти бессознательно говорить то, что видят не в картах, а в своем чувстве, и тогда доходят до транса ясновиденья и, действительно, читают и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. В человеке скрыты чудесные, неизведанные силы, и кто способен даже бессознательно применять их, тот легко может показаться чародеем, хотя, в сущности, ничего необыкновенного и не делает. Карты при гадании играют чисто служебную роль для того только, чтобы настроить. На Востоке заменяют их какими-нибудь блестящими предметами, осколками стекла, например, а то и бриллиантами; у вас, в России, гадают на бобах или на кофейной гуще, выложенной на белую глянцевитую тарелку, отчего тарелка ярче блестит по контрасту с черной гущей. Блестящие предметы, если пристально смотреть на них, действуют еще быстрее карточных фигур, но суть везде одна и та же, то есть не средство для гадания, а вдохновение самого гадающего, полученное благодаря этим средствам.

– Да вы – мистик! – заключил Варгин.

– Нет, я – доктор! – сказал Герье.

IX

Не известно, долго ли был у Августы Карловны Силин, но прошло, по крайней мере, не меньше часа, что Варгин с Герье сидели и разговаривали.

Вдруг с половины хозяйки дома раздался крик, призывавший на помощь Герье.

– Доктор! Господин Герье! – звала Августа Карловна, и женевец, быстро вскочив, побежал к ней.

За ним последовал Варгин – им обоим показалось, что приключилось что-нибудь с тамбовским помещиком... Но Силин уже давно ушел и дело не касалось его!

Случилось еще новое и на этот раз такое неожиданное, что Варгину и, в особенности, доктору Герье оставалось только развести руками и удивляться.

У Августы Карловны были две комнаты: первая – приемная, в которой посетители ждали очереди, и ее спальня, где она занималась своим ремеслом, сидя за маленьким столиком у единственного окна.

Была у нее еще маленькая конурка, куда она выходила со своими картами к особенно важным гостям, желавшим получить отдельную аудиенцию так, чтобы не показываться другим посетителям.

В приемной, когда вошли туда Герье и Варгин на зов Августы Карловны, сидел, скромно поджав под стул ноги, незаметный человек, по-видимому, в ожидании своей очереди; в спальне, по которой отчаянно металась перебедедовавшая Августа Карловна, у ее столика у окна в кресле билась в судорогах молодая девушка в хорошем шелковом платье.

– Доктор! Ради Бога! – суежилась Августа Карловна. – Она ко мне пришла, я ей начала говорить судьбу, а она вдруг забилась... Ради Бога, у нее, вероятно, падучая болезнь!

На самом деле с девушкой был нервный припадок, вероятно, от волнения, которое пережила она, являсь одна, без провожатой, к гадалке.

Она билась в кресле, всхлипывала и смеялась в несомненной истерике.

Августа Карловна совала ей стакан воды, руки у нее дрожали, вода расплескивалась.

Герье вытащил носовой платок, намочил его, велел положить на голову больной, а сам побежал к себе за лекарствами.

Ни вода, однако, ни платок, ни принесенное молодым доктором лекарство не помогали!

Девушка билась и кричала все больше и больше. Судороги, сначала выражавшиеся у нее дрожью, перешли в кольцеобразное стягивание всего тела.

С кресла отнесли ее на кровать Августы Карловны. Девушка конвульсивно выгибалась дугою, упиравшись только затылком и пятками...

– Господи, да что же это с нею, что с нею? – воскликнула в ужасе Августа Карловна.

Варгин вместе с Герье, по его указанию, пытался было удержать выгибание больной физической силой, но они вдвоем не могли справиться с девушкой: ее подбрасывало на кровати, и они ничего не были в состоянии сделать – их отталкивало.

– Такой силы припадка я не видывал никогда! – удивлялся Герье.

Варгин, не выдавший ничего подобного в жизни, с каким-то суеверным страхом отошел в сторону, убедившись, что его физическая сила непригодна тут.

Однако слова Герье, что тот не видал только «такой силы» припадка, но вообще подобные припадки видал, занимаясь врачебной практикой, успокоительно подействовали на Варгина.

– Ради Бога, ради Бога, что будет со мною, если с ней случится что-нибудь! – убивалась Августа Карловна.

– Особенно страшного ничего, – успокаивал ее Герье, – вероятно, за этими корчами последует полный упадок сил. Конечно, не безопасно доводить до этого, но что же делать?

– За этими корчами последует смерть! – раздался в дверях голос тихий, уверенный и ясный.

Все обернулись.

В дверях стоял тот самый незаметный человек, который сидел в приемной, поджав под стул ноги.

– Неужели, – продолжал он, – доктор Герье не видит, что конвульсии слишком мучительны, чтобы кончиться только упадком сил! Нужно остановить их!

– Но я испробовал все. Ничего не помогает! – растерянно воскликнул женевец.

Тогда на глазах у всех произошло нечто невиданное, почти чудо.

Незаметный человек подошел к постели, положил руку на грудь молодой девушки, и не успел он коснуться ее, как она затихла, вытянулась и задышала ровно, точно мягкий, сладкий сон по волшебству охватил ее...

Х

Августа Карловна, видевшая, как только что бившаяся в припадке девушка затихла от одного лишь прикосновения, воскликнула «ах!» и застыла в немой позе удивления.

Варгин раскрыл рот и не знал, на кого ему глядеть: на девушку или на ее удивительного исцелителя.

Для Герье ничего не было удивительного в том, что произошло сейчас.

Он был знаком с теорией Месмера о магнетизме и знал, что сила, проявленная внезапно явившимся человеком и заставившая больную немедленно погрузиться в сон, была не что иное, как магнетизм. Но он должен был сознаться, что магнитный ток у этого человека был поразительный.

– Не знаю, кто вы, – проговорил он незнакомцу, – но преклоняюсь перед вами...

– Я очень рад, что заслужил похвалу доктора Герье, – ответил незнакомец, второй раз называя женевца по имени.

– Вам известно, как меня зовут? – спросил тот, невольно отступив шаг назад.

– Мне многое известно про вас! – ответил незаметный человек. – Пойдемте в вашу комнату, мне нужно поговорить с вами.

– Но если вы знаете меня, – возразил доктор Герье, – то позвольте и мне узнать, с кем я имею честь говорить?

Незнакомец как-то странно улыбнулся и спокойно и просто проговорил:

– Настоящего моего имени я вам не скажу, а зовут меня здесь, в Петербурге, Степан Гаврилович Трофимов!

– Неужели только Трофимов? – невольно вырвалось у Герье.

– Почему же нет? – ответил Степан Гаврилович. – Трофимов – имя не хуже других!

Он подошел к кровати, где лежала погруженная в сон молодая девушка, и протянул над ней руку.

– Через пять минут, – сказал он властным, внушительным голосом, – ты проснешься и будешь чувствовать себя вполне спокойной! Через пять минут, – обратился он к Августе Карловне, – она проснется и никаких вам хлопот не причинит, будьте уверены в этом! Мы пойдем с доктором к нему, переговорим, а потом я вернусь к вам, чтобы сделать то, зачем я пришел!

– То есть что же именно? – не поняла Августа Карловна.

– Я пришел к вам, – пояснил Трофимов, – чтобы вы мне погадали!

– Неужели, – застыдилась Августа Карловна, – такой человек, как вы, может интересоваться моим гаданием? – И она, присев, сделала реверанс по-старинному.

– Как видите! – проговорил Степан Гаврилович и увел Герье из комнаты.

Варгин направился за ними.

– Вот тут моя комната! – показал Герье, когда они, миновав коридор, подошли к двери его скромного апартамента.

– Вы войдите с нами, – пригласил Трофимов Варгина, – может быть, наш разговор и для вас будет не без пользы!

– Ну, денек! – вздохнул только Варгин, но в комнату к доктору все-таки вошел.

Движения Трофимова, его походка и манера говорить были размеренны и медленны; от него веяло истовостью, уверенностью и спокойствием, и, по-видимому, в его обществе эта истовость, уверенность и спокойствие передавались и всем остальным, так что в его присутствии и Герье, и Варгин почувствовали себя необыкновенно хорошо и приятно.

На вид скромный, незаметный, Степан Гаврилович внушал к себе необыкновенное и безотчетное уважение.

Казалось, этот человек не способен совершить промах, и все, что он делал, было именно необходимо и нужно сделать в данную минуту и при данных обстоятельствах.

Они вошли в комнату доктора и сели.

Очевидно, речь должна была принадлежать странному посетителю, и потому Герье и Варгин молчали, ожидая, что скажет он.

И он начал говорить.

– Не думайте, – обратился он к доктору, – что ваши труды, которые вы потратили в Женеве на приобретение познаний, пропали даром. Два года вы провели в Петербурге без практики, но не увлеклись праздностью, не совратились также с честного пути и, несмотря на то, что ваши средства подходят к концу, сегодня вы выдержали серьезное испытание и доказали, что деньгами нельзя вас принудить к нарушению вашего долга.

– Но, позвольте, – перебил пораженный Герье, – откуда вы знаете все это, знаете так, как только может быть известно мне, да вот разве единственному моему приятелю, Варгину?

– Ничто не пропадает в человеческой жизни! – ответил Степан Гаврилович. – И оценка наших дурных и хороших дел бывает не только на том свете, но и на этом! Не удивляйтесь, что я знаю, как это говорится, всю вашу подноготную, и не думайте, что тут действует что-нибудь сверхъестественное! Просто вас имели в виду и следили за вами довольно искусно, так что вы и не подозревали этого!

– Неужели и за мной следили тоже? – беспокойно и испуганно спросил Варгин.

Трофимов только прищурился в его сторону и протянул неопределенно:

– Может быть!

XI

Искреннее удивление Варгина тому, что, может быть, и за ним следили, должно было сразу убедить Герье, что, во всяком случае, не Варгин следил за ним.

И оба они поняли деликатность Степана Гавриловича, который заставил и Варгина присутствовать при разговоре и, таким образом, предупредил всякую возможность подозрения в молодом докторе, что его единственный приятель был приставлен к нему шпионом. Да и не успел бы Варгин рассказать никому о том, что случилось с доктором сегодня, потому что сам узнал только что и после того, как узнал, не расставался с Герье.

Очевидно, у Трофимова были другие источники, откуда он имел такие подробные сведения о жизни доктора.

– Хорошо! – согласился Герье. – Положим, за мной следили, и нет ничего удивительного, что вам все известно обо мне. Но скажите, пожалуйста, с какой целью следили и кому интересен бедный женевец, доктор, явившийся искать счастья в Петербурге и не нашедший его тут? Я согласен также, что ничего бесчестного не сделал, и могу говорить это открыто, но разве мало таких же честных людей, как я, и разве следят за всеми, чтобы прийти к ним для одобрения, когда им становится тяжело?

– Нет, к сожалению, конечно, за всеми уследить нельзя! – заговорил опять Степан Гаврилович. – Но вы, по направлению вашего ума и по своим познаниям, которые прямо редки в ваши годы, составляете до некоторой степени исключение! Такие люди, как вы, нужны нам!

– Кому же это? – снова задал вопрос доктор.

– Это вы узнаете в скором времени, если, конечно, захотите!

– Как же не захотеть? – воскликнул Герье. – Конечно, мне это очень занято.

– А я ничего этого не хотел бы знать! – покачал головой Варгин. – Довольно с меня и одной переделки!

Степан Гаврилович ухмыльнулся и покосился на него.

– Да ведь, что поделаешь, приходится! – как-то весело сказал он.

Варгин махнул рукой.

– Да уж я вижу, что-то опять начинается!

– Н-да... именно начинается! – подтвердил Трофимов.

– Но, позвольте, – сообразил вдруг Герье, – если вы знаете подробности о деньгах при сегодняшнем моем визите к больному, то, очевидно, должны иметь сведения и об этом больном; ведь ему же помочь нужно!

– Об этом не беспокойтесь! – ответил Степан Гаврилович. – Все, что нужно, будет сделано!

– А вы знаете, – обратился Герье к Варгину, – что мне пришло сейчас в голову: нет ли какой-нибудь связи между этим больным и исчезновением сына тамбовского помещика?

– Силина? – спокойно подсказал Степан Гаврилович. – Отчасти ваша догадка справедлива, но только отчасти! Больной, которого вы видели, не сын являвшегося сюда тамбовского помещика!

– Вы и это знаете? Вы все знаете? – не выдержал Варгин, которого словно начинало бесить всеведение Бог знает откуда взявшегося Степана Гавриловича.

– А вы все такой же, как и прежде, скорый и нетерпеливый! – сказал тот ему.

«Значит, он меня знал раньше!» – подумал Варгин и внимательно и пристально поглядел на гостя.

– Напрасно! – остановил его Трофимов, как бы сейчас же прочтя его мысли. – Вы в меня не вглядывайтесь, думая, что узнаете во мне кого-нибудь, с кем встречались прежде; мы с вами никогда не видались!

И действительно, Варгин, взглядевшись, должен был убедиться, что никогда ни лица Степана Гавриловича не видел, ни голоса его не слышал.

– Ну, а теперь, – продолжал Трофимов, – если вы пожелаете, мы будем встречаться с вами; вот тут у меня под печатью записка, из которой вы увидите, где мы можем встретиться с вами сегодня же вечером. Приходите, увидите интересные вещи! А пока до свидания, господа!

Он вынул из кармана сложенную и запечатанную записку без адреса, положил ее на стол, простился и ушел.

XII

Степан Гаврилович ушел к Августе Карловне, которая успела уже успокоиться, потому что молодая девушка, точь-в-точь как сказал Трофимов, очнулась от своего сна и встала совершенно спокойною и здоровою.

Она уехала.

Герье с Варгиным распечатали оставленную на столе Степаном Гавриловичем записку; в ней было сказано только «Сегодня вечером у меня», и затем следовал точный адрес Трофимова. Жил он на Морской.

– Что же мы, пойдем или нет? – спросил Варгин доктора.

– Ну, разумеется, пойдем! – воскликнул Герье. – Разве можно об этом спрашивать?

Варгин поморщился.

– А мне не хотелось бы!

– Ну, вот вздор! – стал уговаривать Герье. – Если не для себя, так для меня пойдемте! Во всем этом много таинственного и интересного; разве можно не идти?

– Впрочем, – согласился Варгин, – этот господин Трофимов производит отличное впечатление, и отчего, в самом деле, не пойти к нему?

И они пошли вечером к Степану Гавриловичу.

Он занимал квартиру с парадным крыльцом, и Варгин удивился в особенности этому обстоятельству.

Судя по виду скромного, незаметного Трофимова, Варгин ожидал найти его где-нибудь в двух-трех комнатах на дворе, во флигеле, и поэтому, когда они подошли к указанному в адресе дому, художник, прежде чем направиться в парадный подъезд, разыскал дворника и стал спрашивать у него, где тут живет Степан Гаврилович, по фамилии Трофимов.

Варгин просто не хотел верить, когда дворник указал ему на подъезд.

– Как? Сюда прямо и идти? – переспросил он.

Дворник сказал, что сюда именно.

Герье и Варгин вошли.

Лестница была широкая, дубовая, освещенная красивыми масляными лампами; темно-красный ковер лежал на ступенях.

– Пожалуйста! Вас ждут! – заявил лакей, снимая с Герье и Варгина верхнее платье.

Он их ввел в просторный зал с простыми белыми стенами, увешанными какими-то портретами.

Тут стояли клавесины; в простенках были зеркала; бронзовая люстра со стеклянными подвесками свешивалась с потолка.

Мебель, состоявшая исключительно из стульев, была золоченая.

– Ого! Да он живет совсем барином! – заметил Варгин.

– Да, недурно! – одобрил и Герье.

Приятели миновали гостиную, затянутую ковром со штофною софой и креслами, и вошли в просторную библиотеку со шкафами по стенам, где в чинном порядке стояли книги в красивых сафьяновых переплетах.

Судя по этой обстановке, Герье и Варгин невольно сомневались, туда ли попали они.

«Неужели Степан Гаврилович живет именно в этой квартире и эта положительно роскошная обстановка принадлежит ему?» – овладела ими одна и та же мысль.

Но к ним в библиотеку вышел Степан Гаврилович.

Одет он был несколько наряднее, чем утром, и богаче. Но все-таки черный шелковый кафтан его, белый камзол, черные чулки были на первый взгляд скромны, и только опытный взгляд мог различить, что кафтан, и чулки, и кружево на жабо были дорогие.

– Пришли? Я очень рад! – встретил Степан Гаврилович гостей. – Хорошо, что не опоздали! Еще бы немного, и было бы поздно, а теперь как раз пора. Ну, едемте!

Для Варгина и Герье явилось это новой неожиданностью.

Они думали, что Степан Гаврилович позвал их вечером к себе, а тут выходило, что они должны были еще ехать куда-то с ним.

Куда – они не спросили, однако, решив уже отдать себя в распоряжение на сегодняшний вечер Трофимову, подчинились ему.

Он, впрочем, как бы и не ждал вовсе их согласия, словно и не сомневался, что они последуют за ним.

Поздоровавшись, Трофимов направился к выходу, сделав знак гостям следовать за ним.

Они опять очутились на лестнице, лакей подал Трофимову и им верхнее платье и вручил каждому по черной бархатной полумаске.

– Это так нужно! Берите! – сказал Степан Гаврилович, предупреждая их расспросы.

Они вышли на крыльцо. Четырехместная карета подкатила, лакей отворил дверцу, откинул подножку, они сели, и карета покатилась.

XIII

Доктору Герье пришлось второй раз сегодня ехать в карете, а до сих пор он в течение двух лет своего пребывания в Петербурге ходил только пешком из экономии и не ездил даже на извозчиках.

Варгин тоже успел отвыкнуть от кареты и забыть, когда он катался в этом экипаже.

Качка мягких рессор и темнота вечера произвели на них убаюкивающее впечатление, и оба они под равномерный стук колес погрузились в дремоту, так что ни одному не пришлось в голову заметить дорогу, по которой они ехали.

Путь был не особенно долог, они остановились у небольшого темного дома, в окнах которого не было видно признаков света.

Фонари их кареты освещали входную дверь; это была самая обыкновенная дверь, с привешенным к ней по-старинному, как это делали лет пятьдесят тому назад, молотком на цепочке.

Они вышли, и, как только Степан Гаврилович взялся за молоток и ударил им в дверь, карета отъехала и исчезла в темноте, а освещавшие ее фонари немедленно погасли.

Дверь отворилась, но отворилась сама собой, потому что они никого не нашли за ней.

Свет, шедший откуда-то сверху, темный и слабый настолько, что нельзя было различить его источника, скупо освещал винтовую лестницу, которая подымалась в верхний этаж и спускалась вниз.

Трофимов повел своих спутников вниз по лестнице.

Варгин подумал, что хотя, в сущности, это было все равно, но он предпочел бы подыматься вверх.

Он посмотрел на Герье, но тот шел, следуя за Степаном Гавриловичем со средоточенным, серьезным лицом, видимо готовый на все что угодно.

Они спустились и попали в длинный коридор со сводами, и здесь был таинственный свет откуда-то сверху.

Было тепло и пахло курениями... «Где же мы верхнее платье снимем?» – опять подумал Варгин, заранее решивший скептически относиться ко всему, что будет.

Коридор загибался полукругом и по правой стене его шел ряд дверей.

– Наденьте вашу маску, войдите и сымите плащ! – сказал Трофимов доктору Герье, отворяя дверь.

Герье послушался и очутился в маленькой конурке, как театральная ложа.

Действительно, это было что-то вроде театральной ложи, потому что вместо стены противоположной двери был невысокий барьер, а пространство от барьера до потолка было затянуто занавесью.

Герье снял верхнее платье, повесил его на прибитую к стене вешалку, надел полумаску и, весьма естественно, попробовал отстранить занавеску над барьером, чтобы посмотреть, что было за нею.

Но занавеска оказалась натянутой вплотную, так что волей-неволей приходилось ждать, пока она будет отдернута кем-нибудь другим.

Ложа освещалась сверху через небольшое круглое отверстие, закрытое матовым стеклом.

Стены ее были окрашены в темно-коричневую краску.

На полу лежал войлочный ковер; из мебели стоял один только стул.

Герье сел.

«Что бы ни было, – решил он, – но, во всяком случае, это очень интересно».

Ему пришлось недолго ждать.

Минут через пять, не больше, отверстие наверху, откуда освещалась ложа, как бы задвинулось или свет в нем потух, и доктор Герье оказался в полной тьме, но почти в тот же миг взвилась кверху занавесь над барьером, и доктор увидел довольно просторный полукруглый зал, ярко освещенный, в котором по полукругу шли такие же ложи, как и его, и где сидели замаскированные, как и он, люди.

Свободная прямая стена была затянута черным сукном с огромными серебряными не то буквами, не то знаками на нем, в виде падающих капель слез или вздымающихся кверху языков пламени.

Таким же сукном, с такими же знаками была обтянута выходящая в зал сторона барьера, верх над ложами и потолок.

К потолку было подвешено семь люстр, по двенадцати восковых свечей каждая.

Спиною к прямой стене, на возвышении, в кресле, как будто из слоновой кости, сидел человек с открытым лицом, большими черными глазами и черной вьющейся бородой, которая придавала ему совсем особенный характер, потому что тогда только простолюдины носили бороды, все же остальные брили их.

Но лицо этого человека, по-видимому, главного тут, отличалось мужественной красотой и благородством.

Черные волосы шли по плечам, он был одет в ослепительно белую хламиду, на голове у него был золотой обруч, охватывавший его высокий лоб.

Ниже его сидели трое на синих креслах, лица их были скрыты синими бархатными полумасками и одежды их составляли синие сутаны с перелинкой и капюшонами.

Еще ниже их сидело четверо в красных сутанах, с поднятыми капюшонами и со спущенными на лицо языками, в которых были прорезаны отверстия для глаз.

Эти четверо были похожи на судей инквизиции.

Посредине зала стоял мраморный стол на четырех тонких белых металлических ножках.

XIV

Прошло ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы зрители, сидевшие в ложах, освоились с открывшимся перед их глазами зрелищем, и главный, с золотым обручем на голове, поднялся со своего места.

– Сегодня, – сказал он, – присутствующие увидят проявление трех сил, и в проявлении этих трех сил три раза перед глазами присутствующих мертвое станет живым. Все тройственно в этом мире: везде тело, разум и дух...

Герье ничего не понял из этих слов и ждал, что он найдет объяснение их в том, что произойдет дальше.

Главный сел. В руках у него очутился высокий золотой жезл, и он им стукнул три раза.

Тогда поднялись двое средних из четырех красных и подняли руки кверху.

Откуда-то послышалась грустная, заунывная похоронная музыка, тихая и такая печальная, что Герье в жизни не слышал ничего подобного, и под эту музыку в зал из-за раздвинувшегося сукна на прямой стене четверо одетых с ног до головы в черное людей, с закрытыми лицами, внесли маленький дубовый гроб, в котором лежала девочка, на вид лет семи, в белом атласном платье, в увядшем венке из белых цветов на голове. Глаза ее были закрыты, личико мертвенно бледно.

Гроб поставили на стол.

– Среди присутствующих, – сказал главный, – находятся медики, пусть они выйдут из своих лож и удостоверятся, что в гробу действительно лежит мертвое тело девочки. Если кто-нибудь из остальных хочет убедиться, пусть пожалует!

Герье тут только заметил, что барьер ложи состоит из двух створок, замкнутых на крючок.

Он откинул его и вышел в зал.

Трупный запах уже донесся до него, но он желал найти еще более убедительные признаки смерти так, чтобы не оставалось никакого сомнения.

Вместе с ним вышли из лож еще только двое, очевидно, тоже доктора, прочие все оставались на своих местах.

Докторов, привыкших к трупам в анатомическом театре, не мог смутить вид мертвой девочки; для Герье, чтобы убедиться, мертва ли она в самом деле, важно было увидеть только ее глаз, потому что глаза у покойников резко и определенно меняются и изменение глазного яблока служит одним из существенных признаков смерти.

Герье, приблизившись к трупу, приподнял веко мертвой и, взглянув, сразу заметил несомненно посмертное положение глазного яблока с искаженным смертью зрачком.

Для него этого в соединении с трупным запахом было совершенно достаточно, он отошел и, сам удивляясь своему голосу, ясно проговорил:

– Я ручаюсь, что эта девочка мертва!

Другие двое кивнули головами в знак подтверждения, но ничего сказать не решились.

Когда доктора вернулись в свои ложи, двое красных приблизились к столу и протянули один правую, другой – левую руку над маленьким гробом.

Музыка звучала уныло и печально, люди в красном стояли неподвижно с вытянутыми руками, изредка осторожно и плавно приподымая их и снова опуская.

С каждым разом, как подымались их руки, музыка становилась немного оживленнее, похоронная тоска исчезала в ней, и мертвенно бледное лицо девочки как будто оживлялось.

Герье смотрел, видел и не мог поверить своим глазам.

Невидимая музыка звучала веселее, а у мертвой, лежащей в гробу девочки играл уже румянец на щеках, из синеватых – губы розовели; вот у нее дрогнул мускул на щеке, она шевельнула рукой и открыла глаза.

Музыка играла совсем уже веселый радостный мотив, девочка улыбалась; стоявшие над нею люди в красном помогли ей сойти вниз.

Она резко соскочила, сделала реверанс и убежала за сукно, откуда вынесли ее в гробу.

Все это было проделано ею с той уверенностью, какую выказывают перед публикою дети, приученные к представлениям.

С одной стороны, и правда, все происшедшее было как будто похоже на представление, но с другой – доктор Герье был готов дать голову на отсечение, что девочка была трупом и что он был свидетелем того, как именно эта девочка, бывшая трупом, ожила на его глазах.

XV

По ломам пробежал сдержанный гул удивления. Видимо, на большинство театральная обстановка «представления» произвела совсем иное впечатление, чем на доктора Герье.

Когда возвращенная к жизни девочка убежала, зал в одно мгновение погрузился во мрак, затем огни снова зажглись, и обстановка была значительно изменена.

Черное сукно с серебряными фигурами исчезло; на месте его стена, барьер и верхи лож были увешаны коврами с вытканными на них зелеными деревьями.

Эта перемена, происшедшая в темноте, сделалась точно по волшебству.

В самом деле, быстрота, с которой погрузившийся во мрак и вновь осветившийся зал принял иной, более приятный для глаз вид, могла быть принята за сверхъестественную.

На столе вместо гроба стоял огромный стеклянный поднос на четырех металлических ножках, так что между ними и крышкой стола было пространство, довольно значительное.

Вошли двое служителей, одетых в восточное платье; один из них нес корзину с черною жирною землей, другой – небольшой холщовый мешок.

Корзинка с землей была обнесена вокруг лож и показана всем, мешок – тоже.

Он был полон семенами различных цветов; семена были смешаны.

Доктор Герье взял горсточку, поглядел и нашел, что это были самые обыкновенные семена, вполне сухие.

Двое красных взяли у служителей мешок и корзинку, один высыпал землю на стеклянный поднос, разровнял ее, другой бросил в землю семена.

Они отошли на свои места.

Тогда приблизился к столу один из одетых в синие сутаны и вытянул руку над подносом с землею.

Опять зазвучала музыка.

Доктор Герье сидел и внимательно следил за тем, что из этого выйдет.

Сначала он думал, что это ему только показалось, что как будто земля на подносе зашевелилась, словно оживившись.

Но мало-помалу он заметил, как из земли то там, то тут стали показываться маленькие ростки, и вскоре весь поднос, как щетиной, покрылся ими.

Синий, стоявший с вытянутой рукой у стола, обернулся назад, и сейчас же другой встал и сменил его, протянув так же, как и он, руку над подносом.

Ростки начали подниматься и зеленеть, как будто повинуюсь звукам музыки или неизъяснимой силе, исходившей от протянутой над ними руки.

Доктор Герье видел собственными глазами, как на ростках появились листья.

Расскажи ему об этом кто-нибудь – он не поверил бы, но тут он видел собственными глазами.

Довольно было и появления ростков и листьев из только что брошенных семян, чтобы поразить всех присутствующих, но это было еще не все.

За листьями явились почки.

Третий синий сменил второго. И, словно под влиянием его свежей силы, почки стали раскрываться, и поднос, как ковер, запестрел цветами.

Это было непонятно, чудесно и очень красиво.

Доктору Герье невольно захотелось аплодировать, но он одумался, не зная, будет ли это уместно.

Синий, вызвавший цветы, исполнив свое дело, вернулся к своему креслу, а явившиеся служители сорвали цветы и раздали их присутствующим.

Доктору Герье достались гвоздика и левкой.

Цветы были очень нежны и тонки, правда, нежнее и тоньше обыкновенных, но это были настоящие цветы, разливавшие приятный аромат.

Доктор трогал их, нюхал и не мог найти объяснение чудесному появлению этих цветов.

Он не знал, чему больше удивляться – этому ли появлению или оживлению мертвой девочки?..

Мертвой девочке была возвращена угасшая в ней жизнь, а тут сухие семена были вызваны к жизни!

XVI

Главный, спокойно и величественно сидевший на своем кресле, должен был видеть, какое было произведено впечатление на зал.

Когда цветы были розданы, он поднялся и заговорил:

– Вы видели проявление силы над материей, оживление мертвого тела, и действие человеческого разума. Могу уверить вас, что только что виденное вами прорастание семян и быстрое образование цветов есть исключительно последствие разумных наблюдений и выводов человеческого разума. В этом чудесном нет ничего сверхъестественного; напротив, вся суть здесь в том, что естественные силы – простые, самые обыкновенные, естественные силы – разумно направлены, и только... Итак, мы имели дело с материей, теперь вы увидите явление духа!

Он опустил в кресло и ударил жезлом в пол.

Доктор Герье, несмотря на его уверения, так сразу не хотел признать естественность того, что случилось перед его глазами: это было слишком необыкновенно.

Теперь, впрочем, некогда было раздумывать, потому что обещали еще что-то новое и, может быть, еще более интересное.

На стук жезла служители внесли в зал носилки, на которых лежало что-то, или, вернее, лежал кто-то, окутанный белой пеленой, потому что под этой пеленой как будто очерчивался абрис человеческого тела.

В пелене было одно только отверстие, приходившееся к левому боку тела.

Носилки внесли и поставили за столом, на пол, перед сидевшими магами – так доктор Герье мысленно называл одетых в синее и красное людей, производивших такие невероятные опыты.

Главный опять стукнул жезлом – и свет в зале померк до полной темноты.

Вместе с этой темнотой наступила полная тишина.

Что делалось в этой темноте и тишине – Герье не мог ни увидеть, ни догадаться. Но только через некоторый промежуток времени приблизительно в том месте, где стояли носилки, блеснуло что-то и стал обозначаться неясный, странный и неопределенный белый туман, как будто в темноту упала откуда-то капля света и стала, расплываясь, расплываться по ней.

Сначала туман светился тускло, но затем поле его становилось шире и свет делался яснее. Сквозь его проясненную прозрачность виднелись освещенные его отблеском неподвижные фигуры магов, виднелись носилки, над которыми клубился этот туман, и вырисовывался темный профиль большого стола.

Туман начал сгущаться, то есть, собственно, не туман, а свет, сосредоточенный в нем, и из бесформенного, расплывчатого стал, колеблясь, как дым, принимать более определенные очертания.

Сначала эти очертания клубились, как облако, потом, вытягиваясь кверху, приняли контуры человеческого тела, и вскоре доктор Герье увидел прозрачную, светящуюся молодую девушку; он чуть не крикнул от охватившего его чувства восторженного смятения, которое является у человека, потрясенного чем-нибудь неожиданно прекрасным. Лицо сквозной, светящейся молодой девушки было необыкновенно красиво, но этого было мало. Доктор Герье узнал в ней ту, которую видел сегодня у Августы Карловны в истерическом припадке.

– Да не может быть! – почти вслух вырвалось у него.

И он ощутил, как быстро забилося его сердце и как вся кровь прилила к голове.

Голова у него закружилась, он, сам себе не отдавая отчета, поднял руки и закрыл ими лицо.

Состояние его было близко к обмороку.

XVII

Что было потом – доктор Герье не помнил.

Когда он очнулся, перед ним стоял Степан Гаврилович.

Занавес над барьером ложи был спущен, ложа опять освещалась из маленького отверстия наверху; в дверях был широко и весело улыбавшийся Варгин.

Очевидно было, что или он не видел всего происходившего, или оно произвело на него совершенно другое действие, чем на доктора Герье.

– Ну, очнулись наконец! – проговорил Трофимов, тормоза доктора. – Ну, одевайтесь и поедем!

Доктор Герье, еще не отдавая себе хорошенько отчета, послушно и безвольно сделал то, что ему сказали, то есть оделся.

Они вышли в коридор.

Он был по-прежнему пуст, так же, как и когда входили они сюда, так же винтовая лестница, по которой они поднялись теперь, была освещена неизвестно откуда сверху и так же сама собой отворилась перед ними наружная дверь.

Когда они сели в карету, Варгин, до сих пор улыбавшийся только, но тихонький, вдруг стал напевать веселую песенку.

– А я видел раз, – заговорил он, оборвав свое пение, – как заезжий немец в балагане вверх ногами на голове стоял и в таком положении вино пил за здоровье всей компании.

– Что вы хотите сказать этим? – спросил Степан Гаврилович.

– А то, – усмехнулся Варгин, – что все это фокусы и если показывать их за деньги, то большое состояние приобрести можно.

– А вы присутствовали, – остановил его вопросом Герье, – при всех трех опытах? Видели девочку, цветы и... последнее?

Он не договорил и не назвал, что было «последнее».

– Видел! – весело подтвердил Варгин. – Все видел! И признаюсь, взирал с удовольствием! Ловко было проделано! Чистая работа, надо отдать справедливость!

Герье немножко испугался: легкомысленные слова его приятеля могли показаться неприятными Степану Гавриловичу; но тот добродушно рассмеялся веселости Варгина и только сказал ему:

– А знаете, молодой человек, отчего вы говорите так?

– Ну, отчего? – несколько даже вызывающе переспросил Варгин.

– Оттого, – пояснил Трофимов, – что виденное взволновало вас и вы хотите излишней бодростью заглушить это волнение!

Должно быть, он попал, что называется, в точку, потому что Варгин сейчас же замолчал и больше не проронил ни слова.

Но, когда они приехали к Трофимову и тот сказал им, что сейчас будет готов ужин, без которого он их от себя не отпустит, Варгина опять прорвало, и он почти с детской шаловливостью попросил бумаги и карандаш и вопросительно глянул на Степана Гавриловича:

– Можно?

Трофимов пожал плечами, улыбнулся и спросил:

– Что можно?

Но Варгин уже не ждал ответа на свой вопрос и быстро стал водить карандашом по бумаге.

Несколькими штрихами изобразил он в карикатуре и главного, с бородой и обручем на голове, и трех синих, и четырех красных в их поднятых капюшонах, и даже девочку,

делающую реверанс; все это было необыкновенно похоже и вместе с тем смешно, так что даже доктор Герье не мог не усмехнуться, увидев карикатуру.

Ужин был накрыт в столовой, убранство которой оказалось проще остальных комнат.

Стены были просто выбелены, и единственным их украшением служила большая картина масляными красками, изображавшая прием царем Соломоном царицы Савской.

В простенке стояли часы в длинном деревянном футляре с огромным, как тарелка, блестящим маятником. Стулья были простые, с соломенными сиденьями, такие, какие изображаются обыкновенно на гравюрах в избах французских крестьян.

Посредине комнаты был накрыт круглый стол, и его роскошь как бы была оттенена скромностью обстановки столовой.

XVIII

Стол был накрыт дорогою белоснежною голландскою скатертью, фарфоровые тарелки были французские, с широким голубым бортом, с толстою каемкой и венком из роз вместо вензеля.

Такой же венок был вырезан и на хрустале, блестящим, отражая огни семисвечного серебряного канделябра, возвышавшегося посредине стола.

В хрустальных графинах искрилось красное и белое вино, свежий ананас стоял в вазе. Сыры, английские и французские, лежали на тарелках, страсбургский пирог, паштет из дичи, розовая пухлая семга, зернистая икра – все эти вкусные вещи так и манили к себе, в особенности Варгина, который любил поесть и, кроме того, чувствовал голод, потому что сегодня плохо обедал с доктором: им не до того было!

Сели за стол.

Степан Гаврилович как радушный хозяин стал потчевать гостей, но ел, собственно, один только Варгин. Глаза у него разбежались, он давно не пробовал таких вкусных вещей и, не зная, с чего начать, начал с первого, что попало ему под руку, и затем, не стесняясь, отдал должную честь остальному.

Оказалось, Герье не только никогда не пробовал свежей икры, но и не видал ее. Он из учтивости отведал, но еще не попросил и ограничился куском швейцарского сыра, которого не ел с самой Женевы. По всему было видно, что ему не до еды и что даже стоявшие на столе отборные кушанья не могут соблазнить его.

Степан Гаврилович налил ему вина, он прикоснулся к рюмке губами и поставил ее на место.

Сам Степан Гаврилович тоже не ел ничего, кроме ухи, которую подали в чашках.

Он объяснил, что никогда не ест много и что стол его состоит всего лишь из нескольких кушаний, на которые он смотрит как на необходимость для утоления голода.

Варгин уплетал за обе щеки и с полным ртом один же главным образом поддерживал разговор, должно быть, продолжая подбадривать себя своей же веселостью, которая, впрочем, и на самом деле могла теперь явиться у него благодаря вкусному ужину и отличному вину.

Говорил он о посторонних вещах, не относившихся к сегодняшнему вечеру.

Степан Гаврилович усердно подливал ему вина, и под конец оно подействовало-таки, и Варгин, что называется, отяжелел.

Он плотно наелся, много выпил и, когда кончился ужин, грузно поднялся из-за стола.

Трофимов не отпустил своих гостей сейчас же после ужина, а провел в гостиную и попросил сесть.

Герье начал было прощаться, но Степан Гаврилович ласково удержал его за руку и сказал:

– Погодите немного, поговорим!

Они сели у стола с лампой под абажуром, а Варгина Степан Гаврилович устроил на софе в отдаленном темном углу комнаты, и, едва он опустился на мягкую софу, веки его закрылись сами собой, и он погрузился в сладкую дрему, которая охватывает человека, сытно упитавшегося после долгого недоедания.

– Я нарочно, – обратился Трофимов к доктору, – задержал вас, несмотря на поздний час, потому что, насколько могу судить, вы настолько взволнованы, что, если б я отпустил вас без объяснения, вы бы провели бессонную, тревожную ночь, стараясь найти объяснение виденным вами чудесам.

– Неужели вы хотите дать мне эти объяснения? – спросил Герье, сейчас же оживляясь.

– Я вам объясню все, что могу, – ответил Степан Гаврилович. – Спрашивайте!

XIX

Доктор Герье, получивший позволение спрашивать, не знал, с чего начать, и так и выразил это Степану Гавриловичу, сказав, что до сих пор совсем не верил в сверхъестественное, но теперь, после всего виденного, должен признаться, что сверхъестественное действительно существует.

Степан Гаврилович улыбнулся.

– Зачем, – проговорил он, – употреблять слово «сверхъестественное» там, где, в сущности, нет и помину понятия, которое оно выражает!

– Но сознайтесь, – перебил Герье, – что мы видели феномены или чудеса, которые не встречаются каждый день!

– Но и солнечные затмения не встречаются каждый день, между тем вы отлично знаете, что в них нет ничего волшебного!

– Солнечные затмения – явление физическое, известное нам!

– В том-то и дело, что известное! Когда же не знали, в чем оно состоит, то и его считали сверхъестественным.

– Значит, все явления сегодняшнего вечера могут быть объяснены?

– Ну, разумеется! Но для этого надобно немножко доброй воли, надо уметь слушать и уметь видеть.

– Но я, – воскликнул доктор Герье, – слушал, смотрел и при всем моем желании и доброй воле ничего не мог понять и не понимаю теперь.

– Это оттого, – пояснил Степан Гаврилович, – что вы не принадлежите к числу наших посвященных!

В то время мистические общества были очень распространены, и доктор Герье, давно догадавшийся, что провел вечер среди членов одного из таких обществ на их тайном собрании, несколько не удивился, когда Трофимов сказал ему о «посвященных».

– А в вашем обществе, – спросил он только, – существует иерархия посвящения по степеням?

– Мы не требуем от вновь вступающего прохождения степеней; все зависит от его собственного развития и от его подготовки; ваши, например, познания и подготовка вашего ума позволяют мне говорить с вами так, как я говорю, то есть как с братом, уже выдержавшим искус первых степеней и получившим возможность узнать тайны более высших. А вот этот, – показал Трофимов на спящего Варгина, – никогда далеко не пойдет и всегда останется на низшей степени посвящения!

– Значит, вы принадлежите к одному из обществ франкмасонов?

– Только вы не найдете у нас смешных и ненужных обрядов, играя которыми так называемые франкмасоны затевают истинное знание и настоящее дело детскою забавой таинственности. Наши двери открыты для всех.

– Неужели для всех?

– Конечно, для всех способных понимать, а не для грубой толпы, готовой из эмблем высшей мудрости сделать себе глупое и пошлое развлечение, как это было, например, с игральными картами! Пятьдесят два листа игровых карт не что иное, как символы, полные смысла, философских тезисов, выработанных еще учением египетских мудрецов. Ходит мнение, что карты были изобретены одним аббатом для забавы безумного короля французского, Генриха. Это неправда. Аббат был посвящен в тайны пятидесяти двух символов, понимал их мудрость и только понадеялся, что эта высшая мудрость вернет разум безумному королю. Но безумный король сделал пошлую игру из этих эмблем; так поступает безумие

с тем, что недоступно его пониманию; вот почему мы допускаем к себе только людей, способных понимать.

– Но я все-таки слышал, что, для того чтобы понять тайны так называемых оккультных наук, которым, очевидно, предано ваше общество, необходимо посвящение.

– Посвящение, по правилам нашего общества, состоит только в изучении.

– В изучении чего?

– Истин, скрытых в природе и выраженных символами.

– В том, что я читал прежде, – сказал доктор Герье, – мне случалось встречаться с этими символами, но они слишком туманны и непонятны. Отчего, в самом деле, не сделают их более ясными и не изложат «истины», как вы говорите, оккультных наук языком более понятным и простым?

– Потому что знание тайн природы дает человеку такую власть, которую нельзя предоставить всякому, и люди, имеющие эти знания, не станут кричать о них на ветер.

– Вы в этом уверены?

– Безусловно.

– Хорошо, но откуда же произошли эти знания?

– Я вам дам книгу, в которой изложена история оккультных наук, древних, как самое существование человека на земле. Они изложены в «Индийских Ведах» и в книге Тота Трисмегиста, египетского мудреца.

– Неужели они не раскрыты, тайны «Индийских Вед»?

– Мы едва-едва начинаем разбирать их.

– Но разве не легче заняться раскрытием тайн природы тем путем, по которому идет современная наука, и не проще ли постараться двигать вперед ее, вместо того чтобы доискиваться смысла в непонятных и допускающих самые разноречивые толкования символах хотя бы тех же Вед?

– Каждый избирает тот путь, который ему кажется более интересным; мы не мешаем никому заниматься и современной наукой, но только все, что до сих пор открывала эта наука, было уже давно известно нам. Попробуйте с помощью этой науки произвести хотя бы те опыты, которые вы видели сегодня вечером.

– А могу я у вас спросить объяснение этих опытов? – проговорил доктор Герье, не без трепета ожидая, что ответит ему Степан Гаврилович.

– Спрашивайте! – повторил тот. – Спрашивайте, что вам угодно.

XX

– Объясните мне, – стал спрашивать доктор Герье, – прежде всего, конечно, это странное оживление девочки.

– Ничего не может быть проще, – улыбнулся Сепан Гаврилович, – ничего не может быть проще этого оживления, если вы только откинете ту немножко театральную обстановку, которая, собственно, необходима для впечатления. Забудьте эту обстановку...

– Но, позвольте, – перебил доктор Герье, – если нужно откинуть театральную обстановку, которая, откровенно говоря, мне в достаточной степени претила, то тогда зачем же было ее делать?

– А затем, зачем вы идете в гости или вообще на люди не голый и не в вашем домашнем халате, а принаряживаетесь в лучшую свою одежду.

– Хорошей одежды требует от меня приличие!

– Известное приличие, или декорация, необходимо во всем и на самом деле существует во всем, что нас окружает. И сама природа, не только люди, не обходится без декорации и театральной, если хотите, обстановки; разве таинственный процесс жизни дерева не мог бы совершиться без появления красивых цветов и сочных ароматических плодов, а между тем дерево покрывается красивыми цветами и ароматическими плодами, а что они как не декорация, полезная, приятная для нас, но все-таки декорация! Разве явление грозы и атмосферные изменения не могли бы происходить в небесных высотах в тишине, а между тем при них блещит молния и гремит гром, всегда производящий на нас если не страшное, то жуткое впечатление, хотя это только театральная обстановка! И так, откинув эту обстановку, правда в оживлении девочки заключается в том, что мы в ней вызвали искусственным путем, путем сильного тока животного человеческого магнетизма, полную каталепсию и в этом искусственном летаргическом сне положили ее в гроб перед тем, как вынести ее на глаза зрителей.

– Но изменение глазного яблока, которого не бывает при каталепсии?

– Простое действие особых, совершенно безвредных капель, пущенных в глаз.

– А трупный запах?

– Опять-таки несколько капель ассафетиды.

Доктор Герье помолчал.

– Действительно, – вздохнул он, как будто разочарованный, – у вас на все есть ответ, простое объяснение. Но в таком случае во всем этом оживлении нет ничего, что бы говорило в пользу ваших глубоких знаний. Все это, значит, объясняется, как и обыкновенные фокусы, которые проделывают заезжие шарлатаны, за рубль входной платы...

– Проявления магнетизма, вызывающего полную каталепсию, нельзя назвать фокусом, – возразил Степан Гаврилович.

– Да, из всего в данном случае только и остается в вашу пользу магнетизм! – согласился Герье.

– Вы говорите «только магнетизм». Но он-то именно и составляет все! Наша цель – показать проявления магнетизма. Это главное, остальное, то есть обстановка, дело второстепенное и необходимое для скрытия тайны от непосвященных, способных, как мы говорили, злоупотребить ею.

– Но эта обстановка – ложь!

– Не ложь, но необходимое сокрытие тайны...

– Хорошо, ну, а второй ваш опыт превращения семян в цветы – тоже только... «необходимое сокрытие тайны»?

– Нет, второй опыт состоит в применении открытия, сделанного нами в секретных древних арканах.

– Вы мне объясните это открытие, или я недостаточно подготовлен, может быть, чтобы понять?

– Отчего же. Я думаю, вы поймете легко, потому что тут действуют самые простые и самые естественные законы природы... Вот, видите ли, необходимы три элемента, чтобы зерно пустило росток из земли и дало цветы: теплота, вода и воздух. При опыте эти элементы находились в изобилии. Кажется, понятно?

– Но не понятна быстрота, невероятная быстрота, с которой в нашем присутствии выросли цветы! В природе тепло, вода и воздух долго и постепенно работают над лежащим в земле зерном, а тут достаточно было менее часа времени!

– Вам известно, что за границей пригородные огородники достигают того, что в течение четырех месяцев лета собирают со своих гряд до трех урожаев овощей?

– Известно, – сказал Герье, – они это делают путем полива, ухода и удобрения... Но все-таки три урожая в течение четырех месяцев – и та скорость прорастания, которую мы видели сегодня...

– Эта скорость зависит только от умения. Наши русские огородники получают один урожай в лето, заграничные – три, потому что они опытнее, а мы, которые еще опытнее, заставляем вырасти цветок в час времени.

– В чем же состоит эта опытность?

– В пользовании лучами теплоты. Обыкновенные садовники выращивают свои цветы на солнечных лучах, которые не только дают необходимую растению теплоту, но и могут быть вредны ему. Если их слишком много – они опалят цветок и он завянет. Мы же умеем разлагать тепловые лучи и пользоваться исключительно полезными их свойствами, отбрасывая все вредное...

– Как же это?

– Благодаря тому электричеству, о котором официальные ученые знают очень мало, лишь ощупью подходя к нему, и свойства которого известны нам хорошо... От металлических ножек стола и хрустального подноса, где лежала земля с зернами, были проведены незаметные проволоки и по этим проволокам были пущены тепловые лучи, разумеется, в должной степени напряжения...

– Так что этот прозрачный хрустальный поднос был необходим не только для того, чтобы публика видела, что нет в нем никаких приспособлений, но и для самого опыта?

– Разумеется. Стекло и хрусталь – дурные проводники, и шедшие по проволокам лучи сосредоточивались вследствие этого в земле, лежавшей на подносе, не расходились и действовали на зерна семян. Нам известно даже, какой род или сорт, что ли, лучей необходим, чтобы заставить семена прорасти, и какие лучи дают возможность подняться ростку, и какие нужны, чтобы явились цветы... И после этого вы сомневаетесь, что мы можем в течение часа сделать то, что достигают простые, невежественные в сравнении с нами огородники в месяц?

– Вы так убедительно объясняете, – возразил доктор Герье, – что я не сомневаюсь, но все-таки не перестаю удивляться...

– Явись в наше время, – подхватил Степан Гаврилович, – сам Архимед, и покажи ему теперешние официальные ученые то, что они знают об электричестве, он был бы удивлен больше вашего. Все идет вперед, все развивается, и что было вчера чудом, становится сегодня общеизвестным, привычным фактом. Мы вступаем теперь в век чудес, в век магический, когда человек поймает небесную молнию и заставит ее мирно светить в своем доме.

– Неужели вы думаете, что электрический свет заменит когда-нибудь свечи и лампы?

– Таков должен быть последовательный ход событий. Будет также время, когда и опыт с цветами, виденный вами сегодня, сделается доступен простому садовнику... Все это придет,

как придет также век полного братства и христианского равенства не только земного, но общемирового...

– Все это так, и дай Бог, чтобы это случилось. Если вы объясните мне теперь еще последнее появление этой... прозрачной девушки – вы найдете во мне самого ярого последователя, и я буду послушно исполнять все, что будет угодно...

– Теперь уже поздний час, – проговорил Трофимов, – и нам пора расставаться. Но что отложено, то не потеряно. Другой раз я объясню вам и это появление. Знайте пока только одно, что и в нем нет ничего так называемого «сверхъестественного» или противоприродного. И здесь действовали те же законы природы, примененные лишь опытными, знающими людьми...

– Еще два вопроса, Степан Гаврилович.

– Спрашивайте.

– Кто был этот главный с черной бородой, распоряжавшийся опытами?

– Вы это узнаете впоследствии.

– А кто была эта девушка?

– Если вы взгляделись в ее черты – она была та самая, которую вы видели сегодня утром у Августы Карловны.

– Значит, я не ошибся. Я узнал ее, но кто она?

– И это вы узнаете впоследствии, если захотите, впрочем...

– Да, да, я хочу!

– Тогда постарайтесь, поищите: вы на следу, добейтесь своего. Узнайте девушку...

– Но то, что я видел ее такую прозрачной, это не значило, что тут была не она сама, а ее дух?

– Да, это был ее дух.

– Она умерла? – вдруг спросил доктор, и в его вопросе послышался неподдельный испуг.

– Нет, – успокоил Степан Гаврилович, – она жива и здорова. Ищите и найдете. До свидания.

XXI

На другой день Варгин, успевший выспаться на софе у Трофимова, пока тот разговаривал с доктором, встал в обыкновенное время. Но Герье еще спал.

Варгин оделся и ушел, но не на работу в замок. Он пошел отыскивать тамбовского помещика Силина.

Вчерашние фокусы, как он называл виденные им опыты, показались ему занимательными, но не понравились.

Разъяснений, данных доктору Степаном Гавриловичем, он не слышал, потому что спал в это время, а самому ему допытываться было лень.

Он решил, что это либо фокусы, либо чертовщина, и хотя в чертовщину не верил, но почему-то в глубине души сомневался: а вдруг это она и есть?

Сами по себе эти фокусы его не смутили бы, но подозрительной казалась после виденного вчера вечером связь неизвестно откуда взявшегося Степана Гавриловича Трофимова с вчерашним странным приключением доктора и с исчезновением сына тамбовского помещика.

Эта связь была несомненна, потому что Трофимов говорил и о том и о другом, и вот, что он говорил об этом, а потом вечером показывал волшебные чары, или же просто дурачил шарлатанством, сильно не нравилось Варгину.

Во всяком случае, он желал указать тамбовскому помещику на господина Трофимова, который знал о его сыне.

Варгин считал это своим долгом и отправился разыскивать Силина.

Герье встал позже обыкновенного.

Несмотря на успокоительные речи Степана Гавриловича, он все-таки вчера долго ворочался в постели и не мог заснуть; когда же он заснул, наконец, сон его был очень крепок и благодетелен, несмотря на свою краткость.

Герье поднялся не только бодрым телесно, но и чувствовал такое душевное равновесие, какого не испытывал давно.

Прогулявшись, как он это делал всегда, несмотря ни на какую погоду, и вернувшись к себе в комнату, которая была освежена и прибрана во время его прогулки, он сел у окна и, глядя на двор, где шли от крыльца к калитке деревянные мостки, стал думать.

Думал он не о вчерашнем, но о будущем, и в этом будущем не создавал себе никаких определенных планов, но как-то созерцательно глядел в него, и ему казалось, что не он идет в это будущее, а оно надвигается на него, надвигается, как приближающийся свет, расплываясь все шире и шире, охватывая и заполняя собою все.

Сначала была только светящаяся точка, то есть она была не сначала, а только вчера, а сегодня уже расплылась, разлилась ярким светом.

Вернувшийся домой Варгин застал его в этом созерцательном состоянии, в котором доктор сидел, по крайней мере, часа три, не двигаясь. Герье в течение двух лет привык делиться своими мыслями с Варгиным не потому, что ценил его мнение, а больше для того, чтобы самому проверить свои мысли, выражая их вслух. Он так и сказал Варгину, что вчера, мол, явилась-де для него светлая точка, а сегодня расплылась она и захватила его.

– Позвольте! – морщась, недовольно переспросил Варгин. – Какая там точка и какой свет?

– Мне кажется, что это – мое будущее! – несколько восторженно произнес доктор.

Варгин нахмурил брови, напрасно сился понять то, что ему говорили.

Он внимательно поглядел на Герье.

– Доктор, батюшка! – протянул он. – Да вы уж не с ума ли сошли после вчерашней чертовщины?

– Никакой чертовщины не было.

– Ну, может, и не было, но, на мой взгляд, кажется, все это довольно скверно. И на вас это так подействовало, что вам какие-то светящиеся точки начали казаться.

– Да не казаться начали! Вы уж сейчас понимаете все так дословно: я говорю это как сравнение, чтобы понятнее передать вам то, что делается у меня в душе.

– В душе?

Варгин поглядел на доктора, прищурил один глаз, махнул рукой и протяжно свистнул.

– Понимаю! – воскликнул он. – Теперь я понимаю, в чем дело! – Он встал и отвесил доктору низкий поклон. – Честь имею вас поздравить, господин Герье, вы влюблены!..

– Влюблен? – повторил Герье. – Как это вы говорите: сейчас уж и влюблен!

– Да-с, влюблены! Во вчерашнюю девицу, которая, по образному выражению вашему, явилась для вас светлой точкой!

Герье за то и любил Варгина, что тот всегда умел простыми словами выразить сложнейшие и неопределенные душевные настроения. И ошибался он редко; напротив, в большинстве случаев был прав, попадая в самую суть.

Доктор Герье должен был сознаться, что и на этот раз Варгин был прав.

XXII

– А я как раз принес вам о ней сведения! – заговорил Варгин, успокоившись, что его приятель с ума не сошел, а только влюбился.

– Сведения? О ком? – переспросил Герье.

– Да о ней же! О вчерашней девушке!

Герье живо вспомнились слова Трофимова: «Вы на пути – ищите и найдете!»

– Вы видели ее? – стал спрашивать он.

– Нет.

– Вы узнали, кто она?

– Нет.

– В таком случае как же?

– Да так, что она сегодня рано утром, едва взошло солнце, освободила сына тамбовского помещика из заключения.

На этот раз была очередь за доктором не понять того, что ему говорили.

– Как, освободила сына тамбовского помещика? – удивился он. – Откуда? Из какого заключения? Или вы тоже говорите образами, сравнениями?

– Никогда к ним не прибегаю и стараюсь выражаться всегда ясно. Все, что я сказал, истинное происшествие.

– Как же это случилось?

– А вот это объяснить вам я не могу, потому что, в сущности, это какая-то таинственная история, в которой, в общем, ничего хорошего, на мой взгляд, нет.

– Да вы-то откуда узнали эту историю?

– От самого тамбовского помещика. Я, как вышел сегодня из дома, так пошел его отыскивать.

– И на работе не были?

– Да какая же тут работа? Помилуйте, ведь не мог же я оставить почтенного старца в неизвестности, когда вчера господин Трофимов упоминал об его сыне!

– Разве упоминал?

– А как же! Сей монсиньор заявлял даже, что беспокоиться о молодом человеке нечего.

– Кто это «монсиньор»?

– Все тот же Трофимов, чтоб ему пусто было!

– За что же вы его браните?

– Да как же не бранить: он уверял, что беспокоиться о молодом человеке нечего, а на самом деле этот молодой человек был завлечен в какую-то западню. И несдобровать бы ему, не явись на выручку ваша девица!

– Уж и моя.

– Как же мне называть ее иначе, если я ее имени не знаю?

– Да откуда ж она его освободила?

– Говорю вам – из западни! Как вам известно, он вышел из дому, чтобы отправиться ко мне сговориться об уроках рисования; Петербурга он совсем не знал – они с отцом живут тут первую зиму и пешком ходят мало, считая это для дворян неприличным, – а тут молодой Силин захотел пройтись, ну и заблудился! Ходил по улице и не только не мог найти дорогу к нам, но даже дорогу к себе; все, говорит, на Фонтанку попадал. На этой Фонтанке он встретил человека почтенного вида, старца с неприятными зелеными глазами, и обратился к нему, чтобы тот указал ему дорогу. Старец заявил, что им по пути, и они пошли вместе. По дороге старец расспросил Силина, кто он, узнал, что отец его тамбовский помещик, что они приез-

жие и мало знают Петербург, и завел его к себе домой. Тут на него накинулись два гайдука, они связали его и посадили в какой-то подвал вроде каземата.

– Что же, они хотели его ограбить?

– Нет, тут дело было не в грабеже! У Силина и денег-то с собой никаких не было! Но, если б и были, так их, верно, не тронули бы, потому что из карманов у него ничего не вынули.

– В чем же тут было дело?

– А это я и придумать не могу! Происшествие для меня совершенно непонятное. Заманил почтенного вида старик молодого человека к себе в дом и запер в каземат, а зачем это было нужно – знает, верно, господин Трофимов.

– Вы думаете, что он принимал тут участие?

– Вероятно, дело обошлось не без него, раз он знал о нем.

– Но ведь если бы он был замешан в таком дурном деле, он не говорил бы нам, чужим людям, о нем так откровенно!

– Может быть, он был уверен, что произведет на нас впечатление своими опытами и мы так и растаем перед ним: делайте, мол, что хотите с нами, мы все тут к вашим услугам! Ну, да я этого не оставлю так! Я этого господина Степана Гавриловича выведу на свежую воду!

– А как же, – рассмеялся Герье, – вы давали обещание, что не станете впутываться в романтические истории?

– Да уж тут не до обещаний, – воскликнул Варгин. – Помилуйте, тут какая-то гнусность, а гнусности я терпеть не могу!

– Ну, хорошо! Ну, а девушка-то, девушка! Как же явилась она?

– Нет, я этого Трофимова выведу на свежую воду, – повторил Варгин, все более и более раздражаясь. – Молодой Силин говорит, что он узнает дом. Завтра мы с ним пойдем его отыскивать.

– Я вас про девушку спрашиваю! – стал настаивать на своем Герье.

XXIII

– Девушка, – стал рассказывать Варгин, – явилась самым необычным образом. Молодой Силин три дня просидел в заключении, кормили его хорошо, но никуда не выпускали! Еду подавали через окошечко, в дверь. Ныне утром вдруг эта дверь отворилась, пришла ваша девица и вывела Силина в сад с расчищенными дорожками и показала удобное место, где перелезть через забор. Он как перелез, так и кинулся бежать со всех ног до первого извозчика; нашел его, и тот привез его домой.

– Но каким образом, – спросил Герье, – вы узнали, что это была та самая девушка, которую мы видели вчера?

– А очень просто, – пояснил Варгин. – Пока мне Силины рассказывали об этом происшествии, я на попавшемся мне под руку клочке бумаги нарисовал ее профиль. Молодой Силин как увидел, так и узнал ее сейчас; стал спрашивать у меня, каким образом я мог нарисовать ее и знаком ли я с нею? Я ему сказал, что видел девушку один только раз, когда она вчера приходила гадать к Августе Карловне и когда с ней сделался припадок.

– А он не ошибся?

– В чем?

– Что это именно она спасла его.

– Говорит, что нет, что профиль, который я нарисовал, был очень на нее похож.

– И он не спросил ее, кто она такая?

– Да когда же ему было спрашивать? Он слово проронить боялся; к тому же они торопились. Но это мы все разумею. Во что бы то ни стало я найду этот дом, а там увидим!

– Самое лучшее, по-моему, – сказал Герье, – рассказать все Степану Гавриловичу и прямо и откровенно спросить его, что это значит.

– Нет, уж вы, пожалуйста, – испуганно остановил его Варгин, – господину Трофимову ничего не говорите и ничего у него не спрашивайте! Во-первых, он вам ничего не скажет, а во-вторых, если и скажет, то только больше запутает.

– Да нет же, – возразил Герье, – вы знаете, пока вы спали у него на софе, он мне очень подробно и откровенно объяснил виденные нами опыты.

– Ну, этого «опыта» с молодым Силиным он не объяснит откровенно, за это я вам ручаюсь! Тут нужно самим нам разузнать, а для этого необходимо прежде всего действовать втайне от самого Трофимова. Нет, вы дайте мне слово, что ни о чем расспрашивать его не будете.

И Варгин так пристал, что Герье дал ему слово.

– Теперь, – стал рассуждать Варгин, – надобно обдумать план действий. Прежде всего мы с молодым Силиным отыскиваем дом, разузнаем, кому он принадлежит и кто этот старик, решающийся среди бела дня засаживать людей в казематы. А вы будете отыскивать вашу девицу, которая, очевидно, там же, в этом доме.

И опять Герье вспомнились слова Степана Гавриловича о том, что он должен искать девушку, но об этом он ничего не сказал Варгину.

Они условились и решили, что начнут действовать с завтрашнего дня.

Им принесли обедать.

Хотя Августа Карловна кормила своих жильцов недурно, но, разумеется, их все-таки скромная трапеза не могла сравниться с угощением, которое было накануне у Степана Гавриловича.

Тем не менее и Варгин, и Герье стали есть с удовольствием, потому что поданные им кушанья были просты, но вкусны.

Они сидели еще за супом, когда в дверь высунулась голова служанки.

– Вас спрашивают! – заявила она, видимо, уже выработав манеру такого своеобразного доклада. До того дня докладывать ей не приходилось, потому что к ее господам никто не приходил.

– Кого? Меня спрашивают? – обернулся Герье.

Служанка кивнула головой.

– Да, вас!

– Кто?

– Лакей от госпожи Драйпеговой.

– Еще новая! – проговорил Варгин. – Только что за странная фамилия? Верно, она переврала что-нибудь.

Но это предположение не оправдалось, служанка не переврала фамилии и, действительно, госпожа Драйпегова прислала за доктором Герье ливрейного лакея и экипаж.

На этот раз ничего таинственного и необыкновенного в приглашении доктора не было.

Ему сказали, кто его зовет и куда ему надо ехать, и он, не dokonчив обеда, поехал, потому что лакей просил не медлить.

XXIV

Госпожа Драйпегова жила в деревянном домике-особняке на Шестилавочной улице – месте по тому времени не особенно аристократическом и далеко не таком многолюдном, какую стала эта улица теперь, давно уже переименованная в Надеждинскую.

Дом был деревянный, но новой, крепкой постройки, с колоннами по фронтону и фризом, хитро раскрашенным разноцветными масляными красками.

Внутреннее убранство было недорогое, но с большою претензией на роскошь и, главное, на художественность.

По-видимому, особую прелесть, по мнению хозяйки, составляли кисейные занавески на окнах, расшитые лиловым и желтым гарусом.

В доме был, как следует, зал с клавесинами, за залом – гостиная, а за гостиной – будуар.

В этом будуаре Герье застал хозяйку, которая сидела на кушетке; у нее была мигрень.

Это была женщина, из всего лица которой прежде всего новому знакомому бросался в глаза нос.

Не то чтобы он был слишком длинен или велик, напротив, переносица была довольно глубоко вдавлена и конец носа был умеренных, но странных размеров.

Бывает нос картошкой, а у нее был кубиком и, главное, по нему можно было сразу увидеть, что Драйпегова – женщина далеко не молодая.

Морщин у нее не было; отвисший подбородок и обрюзгшие щеки могли бы остаться незаметными, тем более что щеки были подкрашены искусственным румянцем, а подбородок прикрыт кружевом, но с кубическим носиком ничего нельзя было сделать, и он был именно такой поношенный, какие бывают только у старых, выдавших на своем веку виды женщин.

Глаза Драйпегова подводила толстой черной чертой, как это делают потерявшие уже в этом меру старухи.

Она была одета в кружевной капот, и этот капот был такой, какой может надеть только самая молоденькая и хорошенькая женщина.

Драйпегова протянула доктору руку, и, когда он нагнулся к руке и поцеловал, как это требовало тогдашнее приличие, она несколько дольше, чем нужно, оставила руку в его руке и остановила на нем томный, пристальный взгляд, как будто сразу обласкать им хотела.

Герье, осмотрев больную, нашел, что все, что нужно было против мигрени, уже сделано, и что, собственно, никакой серьезной помощи от него не требуется.

– Ах, все-таки пропишите мне что-нибудь! – стала просить Драйпегова. – Ну, хоть что-нибудь, пожалуйста!

– Разве флердоранжевой воды для успокоения! – предложил Герье.

Она так обрадовалась, точно это лекарство должно было, по крайней мере, спасти ее от смерти.

– Вот именно! – заговорила она. – Мне все советовали флердоранжевой воды; это прекрасно, что вам пришло в голову! Я вижу сразу, что вы опытный врач.

Она так ласково смотрела на доктора, что ясно было, что его молодая фигура понравилась ей.

– Скажите! – спросил Герье. – Отчего вы послали именно за мной?

– Я просто послала за доктором! – сказала совсем непринужденно Драйпегова. – Скачала, чтобы мне привезли первого, кого найдут дома, мне было так нехорошо, мне казалось, что я умираю!

Она сказала это все, как будто и действительно оно было так, как говорила, но Герье почему-то показалось странным, отчего его до сих пор никогда не приглашали так случайно, а теперь вдруг появились эти случаи.

– А ваш постоянный доктор? – задал он снова вопрос.

– К сожалению, он умер! – вздохнула Драйпегова. – Увы! Мы все смертны, даже доктора!

Она улыбнулась, как бы требуя, чтобы Герье, в свою очередь, оценил ее остроумие.

«А может быть, – подумал он, – и в самом деле ее доктор умер и я случайно попал к ней».

– Вы уже обедали? – обратилась вдруг к нему Драйпегова, по-видимому забыв уже о своей болезни.

Герье ответил, что ее посланный застал его как раз во время обеда и что он поспешил оставить обед, чтобы приехать к ней.

– Ну, вот и отлично! – засуетилась хозяйка. – Хотите отобедать со мной? Ваш визит мне сделал огромную пользу, я чувствую себя гораздо лучше и тоже поем с удовольствием.

Она оставила Герье у себя обедать, подпайвала его вином, чему он, однако, не поддавался, и после обеда, сунув ему в руку полуимпериал, отпустила его с тем, что он непременно придет завтра, чтобы навеститься о ее здоровье.

Необычайная щедрость платы за визит поразила было Герье, но, когда он рассказал обо всем Варгину, тот сказал, что не находит тут ничего необыкновенного, потому что русские всегда щедро платят докторам-иностранцам.

XXV

На другой день Варгин с молодым Силиным отправился на поиски дома и применил для этих поисков такой способ: они вышли на Фонтанку, и здесь Варгин просил Силина указать ему место, где тот встретился со стариком.

Но этот способ оказался неудачным. Силин столько раз во время своих плутаний попал на Фонтанку, что решительно все места у него спутались и он ничего не мог узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.